

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт народов Азии

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
Москва
1 9 6 4

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Г. А. Меликишвили «Урартский язык»* входит в серию очерков по языкам народов Азии и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки народов Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, мальгашский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Азии и Африки: египетский, санскрит, пали, хеттский, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

* Публикуется по монографии Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи* (М., 1960) с некоторыми изменениями.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков—научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, издательство «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Урартский язык — язык населения Урарту — одного из могущественнейших государств Ближнего Востока в IX—VI вв. до н. э.

Говорившее на урартском языке население было широко распространено во второй половине II и первой половине I тысячелетия до н. э. на территории вокруг Ванского озера. На месте современного г. Ван (Турция) была столица Урартского государства Тушпа. К юго-востоку от Ванского озера, в районе нынешнего г. Ревандуз, находился религиозный центр Урарту — Мусасир, население которого также говорило на урартском языке. Район Мусасира являлся, по-видимому, южной границей распространения урартского языка — он непосредственно примыкал к территории распространения ассирийского языка. К югу от Ванского озера урартские племена были, по-видимому, распространены вплоть до долины р. Бохтан-су, до хурритской (?) области Хубушкиа. Урартское население засвидетельствовано также и на северном побережье Ванского озера. Лежащая здесь область Зиукуни имела, несомненно, урартское население, так как бог Зиукуни считался одним из божеств урартского пантеона.

Урартские племена жили, возможно, и в более северных районах, вплоть до Араратской долины, насколько можно судить по наличию урартских элементов в ономастике, этно- и топонимике этих районов, засвидетельствованных в урартскую эпоху.

Труднее судить о распространении урартского населения западнее Ванского озера. Если они и жили вдоль западного его побережья, то, очевидно, на довольно ограниченной территории.

К востоку от Ванского озера урартские племена были распространены вплоть до северного побережья Урмийского озера. Территория распространения урартийцев доходила до района современного Тавриза, где они соприкасались с манийскими племенами.

О первых крупных объединениях урартских племен сохранились сведения в ассирийских надписях начала XIII в. до н. э. Эти объединения возникли на развалинах могучего Митаннийского государства, в эпоху своего могущества включившего в свой состав также и урартские земли. Последующие века заполнены непрерывными войнами с ассирийцами и другими соседними племенами (например, с лулубейцами, населявшими территорию нагорного Загра).

На рубеже II—I тысячелетий урартийцы в основном все еще жили в условиях разложившегося первобытнообщинного строя. При этом, если в одних районах процесс разложения родового строя зашел весьма далеко, то в других, особенно горных, областях он протекал медленнее. Постепенно как внутреннее развитие, так и внешние факторы (борьба с объединениями соседних племен) создали в Урарту предпосылки для формирования крупных государственных образований. Этот процесс завершился в IX в. до н. э., когда возникло государство урартийцев—Урартское царство.

Конец IX в. и первая половина VIII в. являются эпохой могущества царства Урарту, которое сами урартийцы называли «страной Биаинили» (соседи-ассирийцы называли его «Урарту»).

В этот период в Урарту царствовали Ишпуини, Менуа, Аргишти I и Сардури II. Могущественной Ассирии пришлось вести оборонительные бои против Урарту. Цари Урарту вели постоянные наступательные войны, грабили и порабощали население соседних стран. Они завладели в это время Приурмийским районом, подчинили многие области Северной Месопотамии, установили свою политическую гегемонию в Северной Сирии, завоевали значительную часть Южного Закавказья и т. д.

С середины VIII в. до н. э., когда Ассирия вновь усилилась, царям Урарту пришлось вести тяжелые оборонительные бои с ассирийцами. Ряд поражений нанес урартскому царю Сардури II царь Ассирии Тиглатпаласар III (745—727 гг.), а ассирийский царь Саргон II в 714 г. до н. э. огнем и мечом прошел по урартской земле, одержав победу над войсками урартского царя Руса I. К поражениям от ассирийцев присоединились поражения в борьбе с киммерийцами, вторгшимися

в 20-х годах VIII в. до н. э. с севера. Урарту значительно ослабло, однако оно просуществовало еще в течение одного века. В начале VI в. до н. э. оно было разгромлено мидийцами, а также закавказскими племенами, выступавшими с севера в союзе со скифами.

В Урартском государстве было хорошо развито земледелие, скотоводство, металлургия; большого мастерства достигло население этих областей в обработке камня и т. д. Обращает внимание высокий уровень развития таких отраслей сельского хозяйства, как виноградарство и садоводство. Существование развитой системы искусственных водохранилищ и каналов свидетельствует о высоком уровне сельскохозяйственной техники в Урарту.

Урарту было раннерабовладельческим государством. В стране имелся довольно многочисленный слой рабов. Это были в основном пленные, захваченные в войнах. Рабы использовались не только в царском хозяйстве, но и в частных хозяйствах представителей урартской знати. Особенно широко применялся рабский труд на ирригационных и строительных работах.

Объектом эксплуатации со стороны царской власти и военно-служилой знати были также объединенные в сельские общины земледельцы. К привилегированным слоям населения наряду с царским родом и военно-служилой знатью принадлежали также и многочисленные жрецы. Храмы в Урарту, особенно храмы верховного бога Халди, владели большими богатствами.

В стране происходила ожесточенная классовая борьба, часто были столкновения и внутри господствующего класса. В источниках сохранились сведения о неоднократных восстаниях знати против царя.

Археологические раскопки урартских городов-крепостей [раскопки в Ване—столице Урарту Тушпа, раскопки советскими учеными крепостей Тейшебаини (Кармир-блур) и Ирпуни (Аринберд) на окраинах г. Еревана)] выявили высокоразвитую материальную культуру урартийцев (обработка металлов, керамика, строительное дело и т. д.), обнаружили также много новых эпиграфических памятников, составленных на урартском языке. В настоящее время насчитывается около пятисот урартских надписей. Значительное число их—царские победные надписи, повествующие о военных походах урартских правителей. Во многих надписях рассказывается о строительстве крепостей-дворцов, разных культовых сооружений и т. д., о проведении каналов и устройстве искусственных водохранилищ—озер.

Имеются надписи посвячительные (посвящение надписи или какого-либо предмета вооружения тому или иному божеству и т. д.). Наконец, встречаются надписи с разными культовыми реляциями (установление жертвоприношения богам и т. д.)¹.

Изучение урартского языка приобретает еще большее значение в связи с установлением его родства с хурритским языком—языком населения, создавшего одно из могущественнейших древневосточных государств—царство Митанни. Правда, уже давно были отмечены некоторые факты близости между этими языками. Но лишь в последнее время, благодаря значительному прогрессу в деле изучения этих языков, вопрос о несомненном родстве урартского языка с хурритским стал на твердую основу.

Урартский и хурритский языки близки в первую очередь по своей структуре. Эргативная конструкция, играющая такую важную роль в урартском языке, характерна и для хурритского. Но интереснее всего здесь то, что идентичен не только принцип эргативной конструкции, но также почти полностью идентичны суффиксы, используемые при оформлении субъекта и объекта переходных глаголов при эргативной конструкции. Так, в урартском языке субъект переходного глагола ставится в эргативном падеже и принимает окончание *-še* (редко *-š*, во мн. числе *-aše*), а объект переходного глагола представлен либо неоформленным падежом (т. е. в виде чистой основы; во мн. числе к этому присоединяется знак мн. числа *-li*), либо употреблен в именительном падеже (образуется присоединением к основе частицы *-ni*, во мн. числе присоединяется еще показатель мн. числа *-li*). Такое же положение и в хурритском языке: субъект переходного глагола принимает в единственном числе окончание *-š*, во множественном числе *-šiš*, а объект ставится в виде чистой основы, т. е. в неоформленном падеже (во мн. числе к нему присоединяется показатель мн. числа *-na*), или принимает (хотя и редко, особенно в собственных именах) окончание *-n* (ср. урартский суффикс, им. пад. *-ni*, также оформляющий объект переходного глагола)².

¹ Об истории и культуре Урарту см.: Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство (Урарту)*, М., 1959; Г. А. Меликишвили, *Наури — Урарту*, Тбилиси, 1954.

² J. Friedrich, *Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik*, 1939, S. 44, 45.

В области склонения имен, в парадигме падежных окончаний между этими двумя языками также много общего³, например:

	Ед. число		Мн. число	
	Хурритский	Урартский	Хурритский	Урартский
Род.	-we			-ue
Дат.	-wa	-a (при основах на -a)		
Направ.	-da	-e di	-sta	-(a)šte
Местн.	-(y)a	-a	-a	za

Весьма интересно также существование в обоих языках суффикса -še, образующего абстрактные имена⁴. Общим является также для урартского и хурритского суффикс принадлежности -hi⁵.

Аналогии имеются и в местоимениях:

Хурритский	Урартский
išaš	ieše 'я'
-ma _me 'его'	mani 'он' ⁶
uli	uli 'другой'
awenn ^e a	aini(ei) 'кто-нибудь' ⁷
aweš	aše 'когда',
	aišei 'когда-нибудь' ⁸

По-видимому, находятся в связи урартское -li (показатель мн. числа, принимающий участие в образовании как глагольных, так и именных форм) и хурритское -lla- 'их', употребляющееся и самостоятельно⁹. Возможно, хурритское šue(ne) 'весь', 'все'¹⁰ находится в связи с урартским šuini, имеющим, вероятно, такое же значение.

В обоих языках наблюдаются параллельные явления в фонетике, например: колебание между гласными *i* и *e*, замена

³ О склонении в хурритском см. E. A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, 1941, pp. 195—114.

⁴ Ibid., p. 117.

⁵ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, S. 61.

⁶ Ibid.

⁷ E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 181; E. A. Speiser — JAOS, 59 (1939), № 3, p. 324.

⁸ О значении этих урартских слов см. Г. А. Меликишвили, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9; E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 324.

⁹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, S. 44, 61.

¹⁰ E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 78.

гласного исхода основы *-i* гласным *-u* перед суффиксом принадлежности *-hi* (в хурритском это можно найти в письмах Тушратты, в текстах Богазкеоя и Нузи); ср. в урартском: от *tarai* — *taraiuhi* (в произношении: *tarauhi?* или ^{KUR}*urmeiuhi* (в произношении ^{KUR}*urmeuhi?*) и т. д.¹¹.

Следует отметить также близость урартской отрицательной частицы *-ui* с хурритской отрицательной частицей *iuu*¹² и урартского послелога *-edini* 'для', 'ради', 'из-за' с хурритским предлогом *edi* (*eti*, *ede*), имеющим приблизительно то же значение¹³. Полагают также, что урартское окончание будущего времени *-le* можно связать с хурритским суффиксом *lewə*¹⁴, а также засвидетельствованную в урартском спряжении частицу *-ul-* с хурритским суффиксом *-ul-*¹⁵ и т. д.

Особенно многочисленны аналогии в лексике этих языков. Характерно, например, что в верховной триаде урартских божеств имена двух богов являются общими. Урартский пантеон возглавлял бог Халди — местное урартское божество, но второе место в пантеоне, вслед за Халди, занимал бог Тейшеба — общехурритское верховное божество (у хурритов имя этого бога имеет форму *Tešub*). Богиня Хуба, занимавшая среди урартских богинь второе место, соответствует хурритской богине Хеба (супруге Тешуба). Имя урартского бога солнца Шивини, занимающего в урартском пантеоне третье место, также находит аналогию в имени хурритского божества солнца Шимиги.

Наличие общих имен богов у урартийцев и хурритов свидетельствует не только о языковой близости этих двух этнических групп, но и о близости между ними в отношении культуры и, в конечном счете, в отношении их культурно-этнического облика.

Можно указать и другие лексические параллели между урартским и хурритским языками, например:

Хурритский	Урартский
<i>ibri</i> 'царь'	<i>ewri</i> 'господин', 'владыка'
<i>ar</i> 'давать'	<i>ar(u)</i> 'давать'
<i>hurati</i> 'воин'	<i>huradi</i> 'воин'

¹¹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, S. 51.

¹² E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 94.

¹³ Г. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, Ереван, 1936, стр. 41.

¹⁴ E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 324.

¹⁵ A. Goetze, — «*Language*», 16, 1940, S. 134 (прим. 38).

pis 'радоваться'
pala 'канал'
šauəla 'год'
hari 'дорога'
papa 'гора'
taršu(u)anni 'человек'

tiyi 'слово'
urpumma DU 'резать' }
urparinnu 'мясник' }
umini 'страна'
sala 'дочь'¹⁶
haš 'слышать', 'слушать'¹⁸
man(u) 'быть', 'существо-
 вать'¹⁹
tan 'делать'²⁰
taše 'дар', 'подарок'
ak 'вести', 'проводить'

durupi 'волнения', 'беспо-
 рядки'²²

pišuše 'радость'
pili 'канал'
šali 'год'
hari 'дорога'
baba 'гора'
taršuanu 'человек'
 { *tini* 'имя'
 { *tiau* 'говорить'
urpu 'жертвовать', 'прино-
 сить жертву'
ebani 'страна'
sila 'дочь'¹⁷
hašu 'слушать', 'услышать'
mann 'быть', 'существо-
 вать'
tanu 'делать',
taše 'дар', 'подарок'²¹
ag(u) 'уводить (пленных)',
 'проводить (канал)'
 { *durba* 'восставить'(?)
 { *durbaie* 'восставший'(?)²³

Кроме того: хурритское *allay*, *allai* 'госпожа', 'владычица'²⁴, возможно, находится в связи с урартским *alau*/*e 'господин' (ср. *alauini* 'господский' в форме твор. пад. *alauinini*), хурритское *ardi* 'подарок' (состоит из глагольной основы *ar-* 'давать', суффикса *-/ -a*, образующего из глагольных основ

¹⁶ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, S. 59—62.

¹⁷ О таком значении этого урартского слова см. ВДИ, 1951, № 4, стр. 35, прим. 2.

¹⁸ A. Goetze, — RHA, 24, (1936), p. 281.

¹⁹ E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 324.

²⁰ И. М. Дьяконов, — ЭВ, IV, 1951, стр. 113, прим. 8.

²¹ F. Bork, *Die Mitانبrief und seine Sprache*, 1939, S. 104. Ср. названия городов *taše* и *Dquerai taše* в хурритской области, центром которой был город *Meliṭea(ni)*.

²² E. A. Speiser, *Introduction...*, p. 324.

²³ Многие хурри-урартские лексические и другие параллели отмечены в книге Г. Капанцяна «Общие элементы...». С урартским материалом связывались им, например, хурритские *eti*, *ipri*, *šala*, *umini* и др.; см. также И. М. Дьяконов, — ЭВ, VI, стр. 110, прим. 4. Специальное исследование, посвященное выявлению конкретных показателей родства урартского и хурритского языков опубликовано И. М. Дьяконовым, — см. его же: «Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков», — «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 369—423.

²⁴ E. A. Speiser, *Introduction...*, pp. 56, 98.

именную, и окончания $-i^{25}$) можно сопоставить с урартским *ardu* 'давать', 'преподносить' (распространенная также посредством *d* основа *ar(u)* 'давать' — см. в форме *ardilani* и т. д.).

Можно надеяться, что дальнейшее изучение хурритского и урартского языков откроет много общего между этими языками как в отношении грамматического строя, так и лексики. Но различия между этими языками, многочисленные и важные, приводят к выводу, что перед нами скорее не диалекты одного языка, а лишь близко родственные между собой языки.

В научной литературе многократно поднимался также вопрос о родстве урартского языка с иберийско-кавказскими. В этих языках большую роль играет эргативная конструкция, причем материальные показатели соответствующих грамматических форм в урартском и в некоторых иберийско-кавказских языках одни и те же; система урартского склонения обнаруживает близость к картвельским языкам. Много общего между ними в значении отдельных падежей, формативы некоторых урартских падежей выявляют близость к окончаниям соответствующих падежей в грузинском, то же можно сказать о форматах множественного числа. Весьма многочисленны параллели в местоимениях, имеются общности в послелогах. Обращает внимание также употребление одних и тех же элементов в именных и глагольных формах²⁶, что также является характерной чертой иберийско-кавказских языков²⁷. В немалом количестве обнаруживаются и лексические параллели.

Однако требуется еще сделать очень многое, чтобы внести полную ясность в вопрос об отношении иберийско-кавказских языков к урартскому языку. Пока что утверждение о родстве этих языков является лишь научной гипотезой.

Недавно с утверждением о родстве урартского языка с индоевропейскими языками выступил проф. Г. Б. Джаукян («Урартский и индоевропейские языки», Ереван, 1963).

* * *

*

Урартский язык является мертвым письменным языком. Изучение его ведется по дошедшим до нас урартским эпиграфическим памятникам — надписям на камнях, металлических предметах, глиняных табличках и т. д., составленным клинообразной системой письма.

²⁵ Ibid., pp. 129, 130.

²⁶ Г. В. Церетели, *К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской семье языков. Тезисы докладов*, М., 1953, стр. 23, 24.

²⁷ А. С. Чикобава, *Введение в языковедение*, ч. I, М., 1952, стр. 224.

Урартские эпиграфические памятники давно привлекают внимание исследователей²⁸. В 1828—1829 гг. Ф. Шульц в Ванском районе обнаружил и скопировал более сорока урартских клинообразных надписей, в том числе и текст знаменитой Хорхорской летописи Аргишти I. В последующие десятилетия копии или эстампажи отдельных урартских надписей снимались неоднократно. После того как в середине прошлого века была прочитана ассиро-вавилонская клинопись, началась также расшифровка и урартских клинообразных надписей. Первые попытки были неудачными. Лишь работы Гюяра²⁹ и в особенности работа Сэйса³⁰ положили начало успешной публикации урартских надписей с переводами. Сэйс дал таблицу урартских клинообразных знаков, грамматический очерк, опубликовал все известные тогда урартские надписи в транскрипции и переводах. Опираясь на идеограммы, употребляемые в урартских текстах в том же значении, что и в ассиро-вавилонской клинописи, Сэйс смог дать в основном правильный по смыслу перевод урартских текстов. В настоящее время работа Сэйса устарела, но она представляет некоторый интерес в отношении издания тех надписей, для которых Сэйс пользовался не опубликованным ни до, ни после него материалом.

Интерес к урартским клинообразным надписям в России возник очень рано. Важнейшую роль в изучении урартских эпиграфических памятников и урартского языка сыграли работы крупного русского ассириолога М. В. Никольского. Вместе с археологом А. А. Ивановским в 1893 г. он совершил обследование урартских надписей и других урартских древностей на территории тех районов Закавказья, которые когда-то входили в состав государства Урарту. Результатом этой экспедиции и многолетней работы М. В. Никольского над урартскими памятниками явился его капитальный труд «Клинообразные надписи Закавказья» (в серии «Материалы по археологии Кавказа», т. V), изданный в 1896 г. Эта работа, образцовая в отношении публикации всех известных тогда урартских надписей Закавказья, значительно продвинула вперед изучение урартского языка в уточнении значения ряда грамматических форм и слов.

²⁸ Подробнее об истории изучения урартских эпиграфических памятников, урартского языка, истории и культуры Урарту см.: И. И. Мещанинов, *Язык Ванской клинописи*, т. II, 1935, стр. 3—44; Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство (Урарту)*, стр. 7—26. В этих же работах даются ссылки на соответствующую литературу.

²⁹ См. JA, 1881, 1883, 1884; «*Melanges d'Assyriologie*», 1883.

³⁰ «*The cuneiform inscriptions of Van*», — JRAS, 1882.

Среди русских ассириологов можно назвать также В. С. Голенищева, обработавшего важную Звартноцскую надпись.

В 1898—1899 гг. немецкие ученые К. Ф. Леманн-Гаупт и В. Бельк обследовали всю территорию бывшего Урартского государства и произвели раскопки в г. Ване, на месте древней столицы Урарту. Результатом работы Леманн-Гаупта и Белька над эпиграфическими памятниками явилось предпринятое Леманн-Гауптом издание полного сборника урартских надписей — «Corpus Inscriptionum Chaldicarum», не доведенное, однако, им до конца. Вышли два выпуска сборника в 1928 и 1935 гг., в них опубликовано 110 надписей Сардури I, Ишпуини и Менуа, причем дана лишь транскрипция этих надписей с примечаниями. Переводами и разбором снабжены лишь некоторые надписи. В транскрипции надписей немало ошибок и серьезных неточностей. Более ценным является опубликование фотоснимков оригиналов или эстампажей ряда надписей (некоторые из них опубликованы впервые). Но в целом издание не стоит на уровне успехов урартоведческой науки своего времени, так как Леманн-Гаупт упорно отказывался принять некоторые правильные выводы других исследователей урартского языка.

В выявлении новых эпиграфических памятников больших успехов добилась экспедиция Русского археологического общества. При раскопках на Ванской скале в 1916 г. И. А. Орбели открыл текст пространной летописи Сардури II, обогативший новым ценным материалом исследователей урартского языка.

Из новейших исследований западноевропейских ученых по урартской эпиграфике и языку отметим работы И. Фридриха³¹ и А. Гетце³², в которых дано правильное определение ряда важных грамматических категорий; работы М. Церетели³³, однако его исследования в области урартской эпиграфики, в том числе его грамматический очерк урартского языка, порой страдают слабостью аргументации в объяснении явлений грамматической структуры языка и определении грамматических

³¹ См. OLZ, 1929, стлб. 266—270; «Caucasica» VII, VIII; ZA, N. F. VI, № 3/4; «Arch. Or.», III, № 2, IV, № 1; J. Friedrich, *Einführung ins Urartäische*, 1933; OLZ, 1935, стлб. 425—433; «Acta Jutlandica», IX, 1937; AfO, XIII, 1940, H. 4/5 и др.

³² См. ZA, N. F. V (1929), H. 1/3; JAOS, 55, 1935; RHA, fasc. 22, 24 (1936).

³³ См. NHJ; SPAW, 1928; см. также в RA: XXX (1933), № 1; XXXII (1935), № 1, 2; XXXIII (1936), № 2, 3; XLIV (1950), № 4; XLV (1951), № 1, 4.

форм³⁴. Следует назвать также опубликованный в 1955—1957 гг. «Handbuch der chaldischen Inschriften» Ф. В. Кёнига и т. д.

Интерес к изучению языка, истории и культуры Урарту, проявлявшийся еще в дореволюционной России, особенно возрос в советское время. На территории бывшего Урартского государства, которая входит в состав Советского Союза, давно развернулась большая работа по изучению урартских древностей: изучались сооружения урартской эпохи, производились раскопки, были открыты новые урартские надписи, опубликовывался материал археологической экспедиции 1916 г. и новых раскопок.

В 1922 г. Н. Я. Марром был издан текст летописи Сардури II, им же были опубликованы и другие вновь открытые надписи. Но издания Н. Я. Марра пестрят ошибками в транскрипции и отличаются произвольностью переводов надписей, что является результатом огульного объяснения урартского материала данными грузинского языка, без выявления конкретных показателей родства урартского и грузинского языков. К ошибкам следует отнести и его упражнения с мистическими «четырьмя элементами».

С 20-х годов начали публиковаться работы академика И. И. Мещанинова, посвященные изданию урартских надписей, а также отдельным вопросам урартского языка и истории Урарту. Эти работы, в частности его книга «Халдоведение» (Баку, 1926 г.), имели большое значение в развитии исследовательского интереса к урартским древностям. В ранних своих работах, посвященных урартскому языку, И. И. Мещанинов стоял на позициях Н. Я. Марра, но в более поздних — он в основном отошел от них и в работе «Язык Ванской клинописи», т. II (Л., 1935 г.), им в основном правильно изложены вопросы грамматической структуры урартского языка.

Недавно акад. И. И. Мещанинов опубликовал новое исследование, посвященное грамматической структуре урартского языка, — «Грамматический строй урартского языка», ч. I «Именные части речи» (М.—Л., 1958 г.), ч. II «Структура глагола» (М.—Л., 1962).

Развитие советского урартоведения особенно быстро продвинулось вперед с конца 30-х годов, когда начались раскол-

³⁴ За последние годы М. Церетели также опубликовал ряд работ, посвященных урартской эпиграфике. Таковы его публикации: Келяшинской билингвы (РА, XLVII, № 3, 1953), надписи Мхер-капуси (РА, XLVIII, № 2, 4, 1954), надписи из с. Хаги (РА, LII, № 1, 2, 1958), Звартноцкой и Кешиш-гельской надписей (РА, LIII, № 4, 1959).

ки древнеурартской крепости Тейшебаини на холме Кармир-блур (близ Еревана). Эти раскопки, ведущиеся и поныне под руководством Б. Б. Пиотровского, дали исключительно ценный материал для истории и культуры Урарту. Немаловажными были также открытые здесь урартские эпиграфические памятники. Результаты этих раскопок были подытожены Б. Б. Пиотровским в его сводной работе «История и культура Урарту»³⁵ (Ереван, 1944 г.), а также в серии «Кармир-блур» (I, II, III).

Много поработал над изучением урартского языка Г. А. Капанцян. Ему принадлежит немало публикаций урартских надписей, исследований отдельных вопросов языка, истории и культуры Урарту.

Интересные работы, посвященные публикации целого ряда урартских надписей и отдельным вопросам урартской эпиграфики, языка и истории Урарту, принадлежат И. М. Дьяконову, внесшему тем самым ценный вклад в советское урартоведение. См. особенно его «Урартские письма и документы» (М.—Л., 1963). Эта работа, содержащая интересные лексикологические и другие наблюдения, к сожалению не использована нами, так как вышла тогда, когда настоящий очерк находился в печати.

Можно отметить также образцовое издание урартских надписей в работе Г. В. Церетели «Урартские памятники Музея Грузии» (Тбилиси, 1939 г.), а также работы М. А. Израелян³⁶, Н. В. Арутюнян³⁷ и др.

В 1953—1954 гг. нами на страницах журнала «Вестник древней истории» (1953 г., № 1, 2, 3, 4, 1954 г., № 1) была опубликована работа «Урартские клинообразные надписи», где приведены все известные к тому времени урартские надписи в транскрипции и в русском переводе с комментариями, таблица урартского клинообразного письма, грамматический очерк урартского языка и словарь-симфония встречающихся в урартских текстах слов в фонетическом написании, идеограмм и детерминативов, а также собственных имен. К работе приложены фотоснимки ряда урартских надписей по эстампажам,

³⁵ Новое издание этой работы: Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство (Урарту)*, М., 1959.

³⁶ М. А. Израелян обработала все Армавирские надписи [см. ее канд. дисс. «Исторический Армавир по урартским надписям» (на армянском языке), Ереван, 1948], а также опубликовала и другие урартские надписи.

³⁷ Н. В. Арутюнян обработал Хорхорскую летопись Аргишти I (см. его канд. дисс. «Хорхорская летопись Аргишти, I, царя Урарту», 1951 г.). Основная часть работы опубликована в «Эпиграфике Востока», № VII. Он же опубликовал ряд других урартских надписей.

хранящимся в Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашия.

Данная работа с дополнением материала, выявленного в 1954—1959 гг., вышла отдельной книгой в 1960 г.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Для изучения урартского языка основным материалом являются урартские надписи. Дополнительные сведения можно извлечь из ассирийских источников, где засвидетельствовано немало собственных имен, относящихся к Урарту. Определенную помощь оказывают нам данные хурритского языка, в близком родстве с которым находился урартский язык.

Древнейшими надписями урартских царей являются надписи урартского царя Сардури, сына Лутипри (тридцатые годы IX в. до н. э.), из г. Вана, составленные на ассирийском языке. Первые надписи, составленные на урартском языке, мы имеем лишь от преемника этого царя — Ишпуини. Начиная с этого момента (последняя четверть IX в.), надписи в Урарту составлялись в основном на урартском языке; имеются лишь два случая составления надписей на двух языках — урартском и ассирийском, и то обе эти стелы с двуязычными надписями поставлены на территории Мусасира, близ Ассирии. Самыми поздними из урартских надписей являются надписи последнего (?) царя Урарту Руса III, сына Эримена (начало VI в. до н. э.).

Для составления надписей в Урарту употреблялась главным образом клинообразная система письма. Кроме того, существовало местное, иероглифическое письмо, которым выполнена одна надпись на глиняной табличке³⁸, а также часто даются обозначения емкости на многих больших сосудах, сделанных в Урарту³⁹.

Клинообразное письмо, на котором составлено огромное большинство надписей, урартийцами заимствовано от ассирийцев. Клинообразные знаки в письме имеют приблизительно такое же очертание, какое имеют соответствующие знаки в новоассирийской клинописи. Это обстоятельство показывает, что IX век до н. э., когда появляются первые урартские надписи,

³⁸ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens*, — «Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Klasse, N. F., Bd IX, № 3, 1907, S. 108.

³⁹ Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, стр. 285.

является временем заимствования урартийцами клинописи от ассирийцев⁴⁰.

Основные принципы урартской письменности те же, что и ассирийской или какой-нибудь другой клинописи. Здесь имеются знаки для гласных, слоговые знаки, идеограммы, т. е. знаки, обозначающие понятия (например, «земля», «вода», «страна», «бог» и т. п.), и, наконец, детерминативы, т. е. знаки, определяющие характер тех слов, в связи с которыми (обыкновенно перед которыми) они стоят: так, перед именами богов ставится специальный детерминатив, перед названиями стран — детерминатив страны и т. д.

Урартийцы переняли не все знаки ассирийского клинообразного письма, а лишь часть их. Кроме того, тот или иной клинообразный знак заимствован ими не во всех значениях, который имеет он в ассирийской клинописи. В то время как знаки в ассирийской клинописи имеют обычно несколько (и более одного десятка) значений, в урартской письменности клинообразные знаки имеют одно или, редко, два-три значения.

Таким образом, урартское клинообразное письмо гораздо проще ассирийской клинописи.

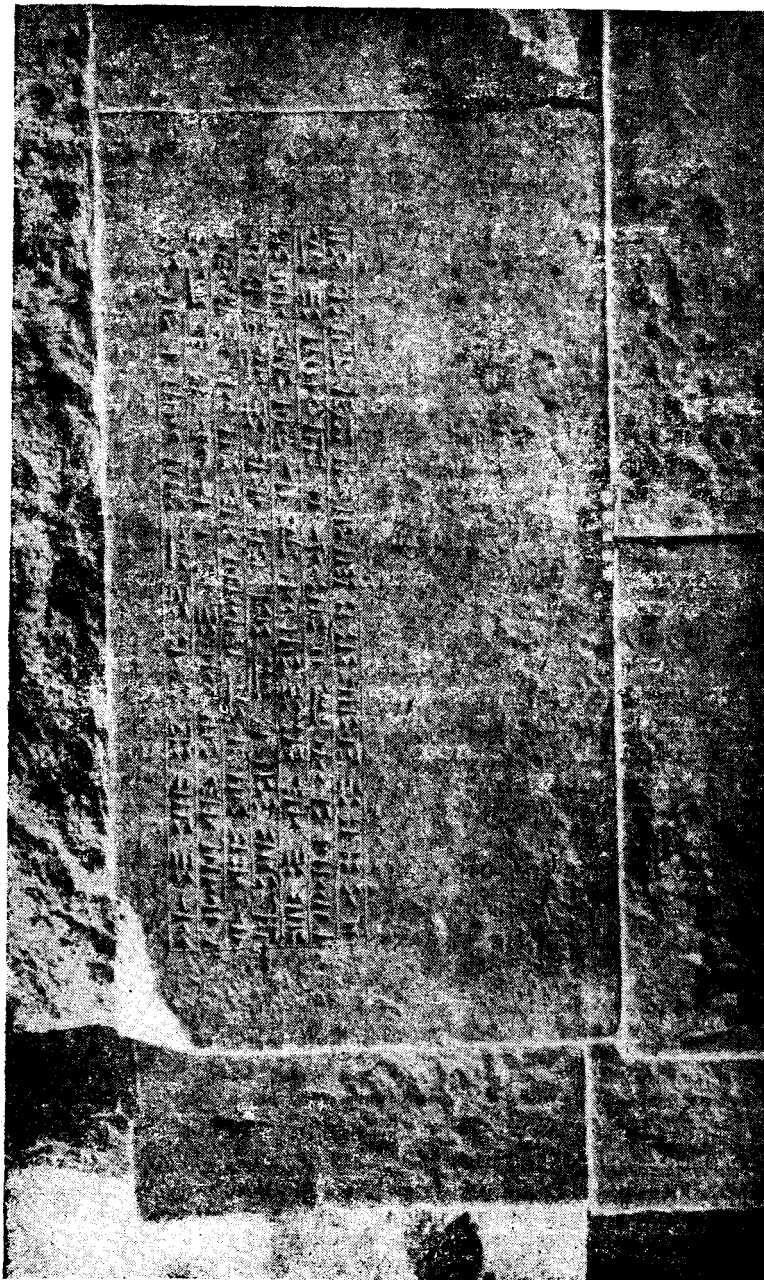
В урартской клинописи, так же как и во всякой другой, текст читается слева направо. Обычно урартийцы писали в графленных строках; в письме слова ничем не отделялись одно от другого. Но выделение слов облегчалось тем, что перенос не допускался, строго соблюдалось правило, по которому слово должно кончаться в той же строке, в которой оно началось. Этим нужно объяснить часто встречающееся явление, когда отдельные клинообразные знаки или стоят весьма близко один к другому, или же находятся на большом расстоянии. По-видимому, на этом же основании встречается написание лишних гласных. Например, написание ¹те-ни-и-а-še и ¹те-ни-а-še вовсе не говорит о том, что гласный *и* здесь долгий⁴¹.

Особенностью урартских текстов, выступающей, правда, довольно редко, является сокращенное написание слов. Так, встречается сокращенное написание слова *LÜtaršuanī* 'человек' в виде *LÜta-ü*⁴².

⁴⁰ Ср. И. И. Мещанинов, *Халдоведение*, 1926, стр. 64 сл.; Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, стр. 285 сл.; И. М. Дьяконов, *Фрагменты клинописных таблечек из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре*, — ЭВ, II (1948), стр. 88; И. М. Дьяконов, *Заметки по урартской эпиграфике*, — ЭВ, IV (1951), стр. 103.

⁴¹ И. И. Мещанинов, *Халдоведение*, стр. 70; J. Friedrich, *Einführung...*, S. 1.

⁴² Ср. RA, XXXII (1935), стр. 32.

Образец урартского письма
(надпись царя Аргишти I)

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

Нужно помнить, что урартские клинописные знаки транскрибируются соответственно тому значению, которое имели эти знаки в ассирийской клинописи. Вполне вероятно, что ассирийская система клинописи, использованная для передачи языка совсем другой, не семитической, системы, не могла точно передать все звуки урартского языка.

Иногда клинообразный знак использовался для передачи тех звуков или звуковых комплексов, которых не было в ассирийском языке. Если урартский язык действительно близко стоит к кавказской группе языков, то можно предположить, что в нем имелись разные чуждые для семитических языков аффрикаты, которыми так богаты кавказские языки. Но, к сожалению, пока что мы часто не в состоянии установить истинное произношение урартских знаков и вынуждены придавать им то же звуковое значение, которое они имели в ассирийском. Несомненно, в ряде случаев наше произношение приблизительно передает соответствующие урартские звуки, а иногда, возможно, существенно отличается от него. Клинопись передает лишь четыре гласных *a*, *e*, *i*, *u*. Естественно допустить, что в урартском языке имелся также гласный *o*, но так как клинопись не могла передать этот звук, в написании он остался неотраженным. Для его передачи использовались знаки, содержащие *u* (например, в урартских надписях упоминается страна *Qulha*, название которой справедливо связывают с названием «Колхида»; в произношении слово *Qulha* звучало, по-видимому, как «колха», и гласный *o* здесь передан именно через *u*).

В урартской клинописи отражены следующие согласные:

<i>b</i> «б»	<i>m</i> «м»	<i>š</i> «ц»
<i>d</i> «д»	<i>n</i> «н»	<i>š</i> «ш»
<i>g</i> «г»	<i>p</i> «п'»	<i>t</i> «т'»
<i>h</i> «х»	<i>q</i> «к»	<i>t</i> «т'»
<i>k</i> «к'»	<i>s</i> «с»	<i>z</i> «з»
<i>l</i> «л»		'[придыхание (?)]

Такое произношение урартских звуков весьма условно. Следует оговорить произношение звуков *s* и *š*. В ту эпоху, когда урартцами была заимствована клинопись у ассирийцев, у этих последних *š* (ш) произносился уже как «с», поэтому естественнее всего предположить, что знаки, содержащие *š*, урартцами переняты в значении «с»; в отличие от них

знаки, содержащие *s*, по-видимому были употреблены для обозначения какого-нибудь родственного звука, скорее всего «ш». Интересная попытка восстановления звукового состава урартского языка была предпринята И. М. Дьяконовым⁴³.

Возникновение между гласными согласного *g* как противозвония⁴⁴ — одно из интересных явлений фонетики. Это был, очевидно, какой-то слабый согласный звук, и в письме он обозначался не всегда. Примеры: *šidaguri* (от *šidauri*), *kuiḡuni* (от *kuiuni*), *tuagi* (от *tuai*), *teragi* (от *terai*), *ebanigidi* (форма направительного падежа: *ebani-i_idi*), *KURištēluanigidi* (*KURištēluani-i_edi*), *EN-ge* (в написании *EN-gie* = *eurige* 'владыке' от *eurie*), *URU TUR-gi* (родительный падеж с формативом *-i*, присоединяющимся к основе с каким-то гласным исходом), *GIŠ šurḡinikaini* (от *GIŠ šurinikaini*), *KURdirḡuni* (ср. название страны *Dirr(i)a* в ассирийских надписях).

При этом иногда происходит выпадение одного из гласных: *targini* (от *taragini* < *taraini*) или *kuguni* (от *kuiḡuni* < *kuiuni*)⁴⁵.

Чередование гласных *i* и *e* — другое характерное явление урартской фонетики. Так, в совершенно одинаковых грамматических формах имеется: *nunabi* и *nunabe*; *kuḡubi* и *kuḡube*; *niribi* и *niribe* и много других.

Такое же явление наблюдается и при чередовании *i* и *ie*, так как последний в этих случаях, несомненно, произносился как «е». Например, встречаются в совершенно одинаковых грамматических формах: *arḡi* и *arḡie* (*arḡe*); *badusi* и *badusie* (*baduse*); *zari* и *zarie* (*zare*); *agubi* и *agubie* (*agube*); *inanili* и *inanieli* (*inaneli*) или *inanilie* (*inanile*); *D ḡaldiedi* (*D ḡaldedi*) и *D ḡaldiedie* (*D ḡaldede*) и т. д.

В урартских текстах есть и чередование в написании *i* и комплекса *iei* (последний произносился, по-видимому, как «е»)⁴⁶. Написание *i-e-i* мы часто получаем при образовании родительного падежа слов, имеющих основу с гласным исходом *-i*, например: *D ḡaldiei* (*D ḡalde*), наряду с *D ḡaldi* (*D ḡaldi-i*).

⁴³ И. М. Дьяконов, *Материалы к фонетике урартского языка*, — «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М. — Л., 1958, стр. 27—53.

⁴⁴ В отдельных случаях засвидетельствовано также между сонорным согласным *r* и гласным: М. Tseretheli, — *NHl*, S. 31; иначе у Фридриха, — см. J. Friedrich, *Einführung...*, S. 2.

⁴⁵ Иную интерпретацию означенного явления см.: И. М. Дьяконов, *Материалы...*, стр. 45.

⁴⁶ J. Friedrich, *Einführung...*, S. 12.

В некоторых случаях встреча двух *i* (гласного исхода основы *-i* и стоящего в начале суффикса *-i*) в произношении также, по-видимому, давала звук «е», который в написании часто принимал вид *ei*. Так, мы имеем: *kuṭeitu* и *kuṭetu* (от *kuṭiu-itu* > *kuṭi-itu* > *kuṭetu*, *kuṭeitu*) или *kuṭeadi* и *kuṭeadi* (от *kuṭi-iadi* > *kuṭeadi*, *kuṭeadi*).

Чередование в написании *i* и *e* (*e*, *iei*, *ei*) указывает, скорее всего, на близость гласных *i* и *e* в самом их произношении. По мнению И. Фридриха, урартское *e*, по всей вероятности, — сильно закрытый звук, как и в малоазиатских языках⁴⁷.

Наблюдается чередование гласных *a* и *i/e*, например: *paḥini* и *paḥani*; *tarmānali* (мн. число) и *tarmānili*, *tarmāneli* (мн. число).

Засвидетельствовано также чередование *ia* и *'a*: *Duarubani* чередуется с *D'arubani*.

Имеется случай чередования *'a* и *ia*: встречается *e'a* и *eia*.

Выпадение гласного между двумя согласными (чаще всего это происходит тогда, когда основа, имеющая гласный исход, присоединяет какой-нибудь суффикс, начинающийся согласным). Так, происходит выпадение гласного *i*: *ḥašialme* (от *ḥašiali-me*); ^{1D}*sardurḥiniše* (от ^{1D}*sardurḥiniše*); *šerdule* (в написании: *šeiridulie*; вариант: *šeridulie*, *šeiridulie*); *šerli* (в написании: *šeirli*, от *šerili*), или же гласного *e*: *alušme* (от *aluše-me*); ^{Dḥ}*ḥaldišme* (от ^{Dḥ}*ḥaldiše-me*); *alušni* (от *aluše-ni*).

Возникновение гласного звука между двумя согласными, первый из которых — плавный — явление, засвидетельствованное в урартском и других языках. Так: *nirbi* и *niribi*; *arni* и *arani*; *zilbi* и *zilibi*; *tarmānali* (мн. число) и *tarmāna*; *alsui-* и *alasui-*⁴⁸; то же можно отметить и в отношении комплекса *šz*: *ašzie* и *ašazie*. Возможно, явление такого же порядка и в случае чередования многократно засвидетельствованного в текстах *šidištuni* ('он построил') с *šidišituni* некоторых урартских надписей.

Упрощение гласных комплексов весьма часто наблюдается в урартском языке. При встрече двух одинаковых гласных происходит слияние их в один такой же гласный, например при присоединении суффикса принадлежности *-ini*: ^{Dḥ}*ḥaldi-ini* > ^{Dḥ}*ḥaldini* или при присоединении суффикса *-alḥi/e*:

⁴⁷ Ibid., S. 3.

⁴⁸ Ibid., S. 4 sq.

URU melitealhe (< *URU melitea-alhe*), *qumahalhe* (< *KUR quma-ha-alhe*).

Такое же слияние происходит при встречах окончания дательного и местного падежей *-a* с основой, оканчивающейся на *-a*; окончания родительного-дательного падежа множественного числа *-aue* с основой на *-a* и т. д.

При встрече двух разных гласных происходит выпадение одного из них⁴⁹.

1. Выпадение первого из двух гласных: *ai* > *i*. Это явление наблюдается при образовании формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа непереходных глаголов: *uli* 'иди' от *ula-i*.

au > *u*: *haule* (*haiule*) > *hule*; **tiaule* > *tiule*; **tiaubi* > *tiubi*.

ia > *a*. В склонении урартских имен при наращении суффиксов разных падежей во множественном числе: *-aše* (эргатив. пад.), *-aue* (род.-дат. пад.), *-ani* (твор. пад.), *-a(i)di*, *-ašte* (направит. пад.) происходит выпадение гласного окончания слова *i* перед гласными *-a* этих суффиксов; например, от *KUR biaini* (им. пад. ед. числа) имеются формы множественного числа: *KUR biainaše*, *KUR biainaue*, *KUR biaina(i)di*, *KUR biainašte*, от *baušini* (им. пад. ед. числа от *bauše* 'слово', 'приказ', 'вещь', 'предмет') в творительном падеже множественного числа *baušinani* и т. д. При присоединении суффикса местного падежа *-a* в формах множественного числа происходит выпадение гласного окончания основы *i*, например: *Dḫaldina* (< *Dḫaldini-a*), *ebana* (< *ebani-a*), *'argištišina* (*'argištišini-a*), *esa* (< *esi-a*), *gunuša* (< *gunuše-a*). Но в формах единственного числа гласное окончание основы при указанной суффиксации сохраняется: *esia*, *KUR etiunia*, *šuinia* и т. д.

iu > *u*. Это происходит при образовании имен прилагательных посредством суффикса *-usi(ni)*; *erelinusi*, (LUGAL-*nusi*) 'царский' (от *ereli* 'царь'), полученный из *erelini-usi*, или *uriš-husi* 'оружейный' от *urišhi-usi* (*urušhi* 'оружие').

ui > *i*. Это явление наблюдается, как правило, при присоединении к основе переходного глагола (оканчивающейся на *-u*) суффикса 3-го лица множественного числа прошедшего времени *-itu*: *atitu* (< *atu-itu*); *atqanaditu* (< *atqanadu-itu*); *har-*

⁴⁹ Возможно, в приводимых ниже примерах мы не всегда имеем дело с явлением фонетического порядка. Не исключено, что здесь, как полагает акад. И. И. Мещанинов, перед нами лишь графические варианты: тот или иной дифтонг передается то полностью, то одним из составных элементов. Вообще необходимо отметить, что и в других случаях иногда трудно определить колебание в передаче отдельных звуковых комплексов — явление фонетического или графического порядка.

ħaršitu (<*ħarħaršu-itu*); *ħaitu* (<*ħau-itu*) и т. д. Такое явление налицо и при образовании форм единственного числа повелительного наклонения действительного залога: окончания глагольных форм ⁱ/_e (2-е л.) и *-inini* (3-е л.) вызывают выпадение окончания основы переходных глаголов *u*, например: *turⁱ/_e* (<*turūⁱ/_e*) 'уничтожь!', *turinini* (<*turu-inini*) 'пусть (он) уничтожит!'

2. Выпадает второй из двух гласных:

aⁱ/_e > *a*. Случай такого выпадения особенно многочисленны: так, послелог *-kai* (употребляющийся иногда и как предлог) в некоторых случаях выступает в форме *-ka* (в соединении с *-uki* 'мой' мы имеем, например, *kaiuki* и *kauki*); встречаются варианты *ainiei* и *aniei* 'кто-нибудь', *aišei* и *ašei* 'когда-нибудь'; часто встречающаяся глагольная основа *ħau-* (см. *ħaubi*, *ħau-le* и т. д.) получена, по всей вероятности, из *ħaiu*. Немало примеров можно привести и из области склонения имен. Так, встречаются: *KURbiainaue* и *KURbianae*; *KURbiainaidi* и *KURbianaidi* или *KURbiainadi*; *URUtušpa patari* и *URUtušpae patari*. Это же явление наблюдается при встрече начального *-i* суффикса принадлежности *-ini* с гласным исходом основы, например: *babani* (от *baba-ini* 'горный'); возможно, такое же выпадение в слове *¹menuani* некоторых надписей (от *¹menua-ini*)⁵⁰.

au > *a*. Засвидетельствованы, например, *KURbiainaue* и *KURbiinae*, или, наряду с *^Dħaldinaue*, также *^Dħaldinae*. Кроме того, глагольная форма *tiani* 'он сказал', по всей вероятности, образована из *tiau-ni*.

ⁱ/_a > ⁱ/_e. Такое явление наблюдается при образовании формы родительного-дательного падежа множественного числа: *KURliqie* (*KURliqi-ae*), *KURurmeue* (*KURurme-ae*), *KURzabaħaeue* (*KURzabaħae-ae*).

iu > *i*. Например, вариантом *¹qiurani* 'земля' может быть *qirani* или же в направительном падеже — *qiraedi*. Наряду с *arniušinili* имеется *arnišinili*, или наряду с *ebaniuki* 'моя страна' в форме направительного падежа — *ebanikidi*.

ua > *u*. При присоединении суффикса *-alħi* (<*ħali*) к основе, оканчивающейся на *-u*, происходит потеря гласного *a* суффикса *-alħi*, например: *¹baltulħe* (от *¹baltu-alħe*), или *URUħaldiriulħi* от *URUħaldiriu-alħi*.

uⁱ/_e > *u*. В текстах засвидетельствованы: *alsuini* и *alsuni*, *alsuišini* и *alsušini*, *alsuiše* и *alsuše*, *¹išpuini* и *¹išpuni*, *¹ui-*

⁵⁰ См. в надписях из раскопок на Кармир-блуре (УКН, № 144, 148); *¹menuani* (от *¹menua-ini*, вариант формы *¹menua-ħini*?), если только здесь мы не имеем случайного пропуска *-ħi*: *¹menua(ħi)ni*.

teruḥi и *'uṭeruḥi*, *'diaueḥi* и *'diauḥi* и т. д. Это явление встречается иногда и при образовании формы 3-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов: *suidutu* (от *suidu-itu*).

Диссимиляционная потеря звука или целого слога (аплогия) как прогрессивного, так и регрессивного характера возможна в исследуемом языке. Например, прогрессивная диссимиляционная потеря слога налицо, по-видимому, в глагольной основе *kuii-*, полученной от *kuguii-*. При присоединении окончания будущего времени *-le* к основе, оканчивающейся на *-l* или *-r* (т. е. если эти звуки стоят непосредственно впереди знака переходных глаголов *-u*), происходит регрессивная диссимиляционная потеря слога, причем теряется исходный слог основы (*lu*, *ru*). Например: *tule* (от *turu-le*); *šepuiale* (от *šepuaru-le*); *kule* (от *kulu-le*); *teli* (от *teru-l'i*). Исключения составляют глаголы *iru-* и *uru-*, образующие будущее время в виде *irule* и *urule*, очевидно аплогия в данных случаях не имеет места потому, что основа слова односложна (*ir-*, *ur-*).

Диссимиляционная потеря слога имеет место также при присоединении показателя косвенного объекта 1-го лица единственного числа *-me* к форме 3-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов (например, *arunime* > *arume*). Такое же явление наблюдается и в формах 1-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов с окончанием *-li* (показатель множества объектов). Например, мы имеем *kuli* (от *kulu-li*). Возможно, диссимиляционная потеря звука в *ulgušiani* (от *ulgušinani*) или же в *šuiniani* (от *šuininani*).

Случаи ассимиляции и диссимиляции также зафиксированы в урартском языке. На основании ассимиляции и диссимиляции наблюдается, например, чередование звуков *n* и *l*; так, отмечается случай регрессивной диссимиляции в *burgalani* (от *burganani*) или регрессивной же ассимиляции: *burgalali* (мн. число) от *burganali*.

Назализация гласных, возможно, существовала в урартском языке. На это указывает чередование *andani* и *adani*; но можно дать другое объяснение данному случаю: по-видимому, здесь звук *n* появляется перед *d*, что вообще бывает нередко и в других языках.

Явление метатезы: от *eia* мы имеем *eai*; суффикс *-ḥali* предстает также в форме *-alḥi'* (*KUR qumaḥalali* и рядом с ним *KUR qumaḥalḥi* и т. д.).

О некоторых других, не отмеченных выше фонетических изменениях речь пойдет при разборе той или иной морфологической категории.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Словообразование

Основы урартских имен (существительных и прилагательных) оканчиваются, как правило, на гласный звук. Чаще всего встречается в окончании *-i* (например: *pili* 'канал', *huradi* 'воин', *euri* 'господин')⁵¹. Редко встречаются основы, оканчивающиеся на другие гласные: *e*⁵² (например: *'aše* 'мужчина', а также в собирательном значении 'мужчины'; *aše* 'щит'), *a* (*qiura* 'земля') или *u*(^{SAL}*lutu* 'женщина', а также в собирательном значении 'женщины').

В урартских словах можно выделить особые словообразовательные суффиксы. Так, суффикс *-še* образует абстрактные имена: *ušmaše* 'могущество', *ulguše* 'жизнь', *pišuše* 'радость'.

Суффикс *-še* может присоединиться к глагольной основе: *aru-* 'давать', отсюда — *aruše* 'милость', 'благоденствие'; *izidu-* 'повелевать' (?), *iziduše* 'повеление'; возможно, такое же явление мы имеем и в *zaduše* (ср. *zadu-* 'строить') или в *manuše* (ср. *manu* 'быть', 'существовать'). Наряду с этим суффикс *-še* присоединяется и к именной основе: *alsui* 'великий', отсюда — *alsuiše* 'величие'. Нужно отметить, что многие слова, оканчивающиеся на *-še*, имеют вполне конкретное значение, например: *šušē* 'мелкий рогатый скот', *meše* 'дань', *gunuše* 'битва', 'бой', 'война'. Во многих случаях трудно определить, имеем мы дело с суффиксом *-še* или этот слог является органической составной частью основы.

⁵¹ Благодаря характерному для урартской фонетики колебанию между гласными *i* и *e* (см. выше) наблюдается большое колебание и при передаче гласного исхода основы *-i*. Часто он передается в виде *e* или *ie* (в произношении также, очевидно, «е»), например: *zilbi* и *zilbe*, *niribi* и *niribe*, *zari* и *zarie*, *susi* и *susie* и много других.

⁵² К этой категории мы причисляем лишь те слова, в конце основы которых всегда пишется *-e* и нет характерного колебания в написании (и в произношении?) между *i* и *e*. Скорее всего в этом случае гласный *e* является каким-нибудь специфическим звуком, отличным от того *e*, который так часто чередуется с *i*.

В урартском языке есть еще один суффикс, образующий абстрактные слова, — *-tuḫi*: *LUGAL-tuḫi* (= *ereli-tuḫi*) 'царство' (от *ereli* 'царь'), *taršuatuḫi* 'мужество' (от *taršua* 'мужчина') и т. д.

Суффикс *-ḫiⁱ(ni)* является суффиксом принадлежности: *'menuaḫini* 'принадлежащий Менуа' (в названии *'menuaḫinili*), *'argištiḫini* 'принадлежащий Аргишти', *'rusaḫini* 'принадлежащий Руса', *SALTaririaḫini* 'принадлежащий Таририа'. Этот суффикс образует также патронимику: *^{1D}sarduriḫi(ni)* 'сын Сардури'. *'išpuiniḫi(ni)* 'сын Ишпуини', *'menuaḫi(ni)* 'сын Менуа'. Кроме того, он часто встречается в роли окончания племенных названий, осмысляемых, по всей вероятности, как «сын такого-то (эпонима, бога)». На это указывает и поставленный перед такими названиями детерминатив мужских личных имен, выступающий здесь в качестве детерминатива племенных названий⁵³: *'abilianⁱḫi*, *'diau(e)ḫi*, *'erikuḫi*, *'iganeḫi* и др.

Вариантом суффикса *-ḫiⁱ* является, по всей вероятности, суффикс *-uḫi*. Так, название страны *^{KUR}urme* встречается также в форме *^{KUR}urmeuḫi*. Такое же явление, вероятно, и в прилагательном *taraiuḫi*, которое можно сопоставить с *tarai* 'могучий', 'могущественный'⁵⁴.

Суффикс *-ḫiⁱ* имеется и в именах существительных, например: *šubⁱḫe* 'устройство' (?), *kannaḫe*, *paniḫe*, *qarmeḫi* 'празднество' (?), *urišḫi* 'оружие'.

Суффикс принадлежности *-ḫi(ni)* с наращением окончания множественного числа *-li* (*-ḫinili*) употребляется при образовании названий разных пунктов (городов-крепостей, поместий и т. д.), производных от имени того или иного лица. Например, названия городов, построенных царями Менуа, Аргишти, Руса: *'menuaḫinili*, *'argištiḫinili*, *'rusaḫinili*; название виноградника, принадлежащего дочери Менуа Таририа: *SALTaririaḫinili*.

В названиях стран и городов выступает также суффикс *-ḫali*, который в ряде случаев вследствие метатезы (см. выше) превращается в *-alḫi*. Этот суффикс *-ḫali* (*-alḫi*), возможно, содержит хурри-урартский суффикс принадлежности *-ḫi* (в дальнейшем — широко распространенное окончание племенных названий и названий стран) с наращением суффикса множественного числа *-li*. Таким образом, *-ḫali* по своим составным

⁵³ См. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 2.

⁵⁴ Ср. засвидетельствованное в хурритском языке превращение гласного исхода основы *-i* в *-u* перед суффиксом *-ḫi* (J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, S. 51).

частям почти полностью идентично названному выше суффиксу *-hīnili*.

По своему значению к суффиксу *-hī(ni)* весьма близко стоит суффикс *-ini*, являющийся также суффиксом принадлежности, например: *'menua-ini hūbi* 'долина (?) Менуа', 'долина (?), принадлежащая Менуа', или *'rusa-ini hūbi* 'долина (?), принадлежащая Руса'; *Dhaldinili (D haldi-ini-li) KA* (вариант: *šeštīli*) 'ворота бога Халди', 'ворота, принадлежащие богу Халди'; *Dhaldini (D haldi-ini) GIŠšur¹_e* 'оружие бога Халди'; *LUGAL-lili KUR etiuhīnili (KUR etiuhī-ini-li)* 'цари страны Этиухи'; *IDsardurinili (IDsarduri-ini-li) kurili* 'ноги Сардури'; *KURbiainiše (KURbia-ini* 'биаец', 'человек, принадлежащий к стране Биа'); *KURLuluiniše (KURLulu-ini-še)* 'лулуец', 'человек, принадлежащий к стране Лулу (в переносном смысле 'враг')' и т. д.

Слова, образованные при помощи этого суффикса, следует рассматривать как прилагательные. Кроме того, этот суффикс, подобно суффиксу *-h¹_e(ni)*, употребляется при образовании названий стран, так же часто с наращением суффикса множественного числа *-li*, например: *KURbiainili (KURbia-ini-li)*, *KURLuluinili (KURLulu-ini-li)*.

Из суффиксов, специально употребляющихся для образования имен прилагательных, в первую очередь нужно назвать суффикс *-usi*: *badus¹_e* 'величественный' (?), *LUGAL-nu-si* или *LUGAL-si* 'царский', *urišhūsi(ni)* 'оружейный', *inusi* 'такой' и др.

Сопоставляя глагольную основу *ušt(a)-* 'выступить в поход' со словом *uštīpte* 'поход', очевидно, можно также выделить словообразовательный суффикс *-ipte*.

Склонение

В урартском языке имеется два числа — единственное и множественное, но нет различия по грамматическим родам.

Как в спряжении, так и в склонении весьма значительную роль играет так называемая эргативная конструкция, делающая резкое различие между переходными и непереходными глаголами. В связи с этим различно оформляются падежи субъекта при переходных и непереходных глаголах, а прямой объект ставится в именительном падеже.

Падежные окончания присоединяются к основе в виде суффиксов. В урартском мы различаем восемь падежей: неоформленный, именительный (или *ni-* падеж), эргативный, родительный, дательный, творительный, направительный и местный.

Неоформленный падеж представляет собой чистую основу слова, например: *pulusi* 'стела', *pili* 'канал', *Dḥaldi* 'бог Халди', *qiura* 'земля', *aše* 'щит', *KURbuštu* 'страна Бушту'. Форма множественного числа неоформленного падежа образуется присоединением к основе признака множественного числа *-li*, например: *erelili* (*LUGAL-lili*) 'цари' (от *ereli* 'царь'), *burgalali* 'крепости'(?).

По своей функции неоформленный падеж весьма близко стоит к именительному падежу (см. ниже).

1. В неоформленном падеже ставится, хотя и сравнительно редко, субъект непереходных глаголов: *iu Dḥaldikai URUardnidi nunali* 'išpuinini ^{1D}sardureḥe 'menua 'išpuiniḥe 'когда перед богом Халди в город Ардини пришли Ишпуини, сын Сардури, [и] Менуа, сын Ишпуини'; *burgalali LUGALMEŠ KUReti-uhineli arnuiali* 'подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли [им] на помощь'; *Dḥaldi kuruni* 'бог Халди [есть] могучий'.

2. В неоформленном падеже ставится объект переходных глаголов (эти случаи более многочисленны), например: *'menuaše 'išpuiniḥiniše ini pili aguni* 'Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел' *'menuaše ale... terubi ini pulusi* 'Менуа говорит: «...я эту стелу поставил»; *'menuaše 'išpuiniḥiniše Dḥalde eure ini suse šidištuni* 'Менуа, сын Ишпуини, богу Халди, владыке, это *suse* построил' *'argištiše 'menuaḥiniše ini 'ari šuni* 'Аргишти, сын Менуа, это зернохранилище устроил'; *URUmeišta ḥauni* '[он] завоевал город Меишта'; *šatuali kureli* '[он] обхватил [мои] ноги'.

Именительный падеж в единственном числе имеет окончание *-ni*⁵⁵, которое присоединяется в виде суффикса к основе слова; во множественном числе к *-ni* присоединяется показатель множественного числа *-li* и образуется характерное для именительного падежа множественного числа окончание *-nili*⁵⁶.

Таким образом, форма именительного падежа фактически является распространенной посредством суффикса-детермина-

⁵⁵ Окончание именительного падежа *-ni*, возможно, ведет свое происхождение от указательного местоимения *ini* 'этот'. Таково происхождение показателя именительного падежа во многих языках.

⁵⁶ На *-ni* может оканчиваться и основа, так что не все слова, имеющие окончание *-ni*, — форма именительного падежа, они могут представлять форму неоформленного падежа, например: *iarani* 'часовня' (?), *ebani* 'страна' и т. д. Часто, особенно в географических названиях на *-ni*, трудно решить, является ли окончание *-ni* формативом именительного падежа или принадлежит к основе.

тива *-i(ni)* основой слова⁵⁷; этим и нужно объяснить, что наряду с чистой основой (т. е. неоформленным падежом) она также часто выступает исходной формой при образовании других падежей как в единственном, так и в особенности во множественном числе. Так, в творительном падеже единственного числа наряду с *esini* (чистая основа *esi* + показатель творительного падежа *-ni*) засвидетельствовано также *esinini*, в котором показатель творительного падежа единственного числа *-ni* присоединяется уже не к чистой основе, а к форме именительного падежа.

Именительный падеж употребляется: 1) для обозначения субъекта переходных глаголов: *uštabi 'argišṭini* 'Аргишти выступил [в поход]'; *uluštaibi Ḫaldini* 'бог Халди шел впереди'; *ninabi KURmanani* 'пришла страна Мана'; *giurani quldini manu* 'земля была пустынной(?)'; *'menuani LUGAL DANNU...* 'Менуа [есть] царь могущественный';

2) для указания объекта переходных глаголов; например а) в единственном числе: *karuni 'ašurnirarini 'adadinirareḫi LUGAL KURaššurni KUR-ne* 'победил он (бог Халди) Ашшурнирари, сына Ададинирари, царя страны Ашшур'; *karuni KURmanani KURbuštuni* 'победил он страну Мана [и] страну Бушту'; *'argišṭiše ale ḫaibi KURetiunini* 'Аргишти говорит: «Завоевал я страну Этиуни»; *ḫaitu URUmeišṭani URUquani URUšarrituni URUnigibini* 'завоевали [они] города: Меишта, Куа, Шариту, Нигибби'; *parubi SALLutuni* 'угнал я женщин'⁵⁸;

б) во множественном числе: *LUḫuradineli uelidub i* 'воинов я собрал'; *LUḫuradinili kedanuli* 'воинов я отправил [в поход]'; *Ḫaldia išṭine inanili arniusinili I MU zadubi* 'Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил'.

Таким образом, функционально неоформленный и именительный падежи весьма близки друг к другу: в обоих из них может быть употреблен или субъект переходных глаголов, или же объект переходных глаголов, хотя наблюдается явное преобладание оформления объекта переходных глаголов в именительном падеже.

Эргативный падеж является специально падежом субъекта переходных глаголов. Окончание этого падежа *-še* присоединяется в единственном числе непосредственно к основе,

⁵⁷ См. Т. В. Гамкрелидзе, *К вопросу о склонении имен в урартском языке*, — «Труды ИЯ АН ГрузССР», Серия языков Передней Азии, т. I, 1954, стр. 116.

⁵⁸ *SALLutuni* — форма единственного числа, употребляющаяся в собирательном значении 'женщины'.

а во множественном числе — посредством характерного для косвенных падежей множественного числа гласного *a*:

а) в единственном числе: *'išpuiniše* ^{1D}*sardurehiniše ini É-e zaduni* 'Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил'; *'Imenuaše* *'išpuinihiniše ini pili aguni* 'Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел'; *aluše uliše tiule* ^{URU}*luhiunini haubi* 'кто другой скажет: «Я завоевал город Лухиуни»;

б) во множественном числе: *ali* ^{LŪA}*SIMEŠ-še partu seri partu* 'что воины угнали, угнали они отдельно'.

Иногда суффикс эргативного падежа *-še* выступает в форме одного лишь *-š*. Преимущественно это — следствие фонетического изменения: гласный *e* выпадает в тех случаях, когда к этому суффиксу присоединяется другой суффикс, например местоименный суффикс объекта 3-го лица единственного числа *-ni* 'его' или суффикс косвенного объекта 1-го лица единственного числа *-me* 'мне', например: *alušni* (*aluše-ni*) *tule* 'кто его уничтожит' ^{Dħaldišme} (^{Dħaldiše-me}) *ušanuni* 'бог Халди даровал (?) мне'.

Иногда наблюдается также потеря гласного *e*, когда рядом стоит несколько имен в эргативном падеже. В таком случае у первого из них окончание *-še* превращается в *-š*, например: *'išpuiniš* ^{1D}*sardurhiniše burganani šadišituni* 'Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил'; *'išpuiniš* ^{1D}*sardurhiniše Éini šidišituni* 'Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил'; *mei* ^{Dħaldiš} ^{D1M-še} ^{DUTU-se} ^{DINGIR} *MEŠ-še* ^{URU}*ardinini zilbi qiraedi kulituni* 'пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, [все] боги города Ардини не оставят на земле [его] семья'⁵⁹.

Родительный падеж. Формативом этого падежа единственного числа является *-i*, присоединяющееся к основе: *'menuai pili* 'канал [царя] Менуа'; *'rusai šue* 'озеро [царя] Руса'; ^{KUR}*niribai ħubi* 'долина (?) страны Нириба'; ^{URU}*šašilui KUR-ni* 'страна города Шашилу' и т. д.

Если основа оканчивается на *-i*, то иногда окончание родительного падежа *-i* в написании полностью сливается с конечным *-i* основы и отдельно не отмечается, например: *'ú-tu-ru-ur-ši-ni* ^{LUGÁL} *'di-i-a-ú-e-ĥi* 'Утупуршини, царь [племени] Диауехи', или *'me-nu-a-še a-li-e ĥa-ú-bi* *'di-a-ú-e-ĥi* ^{KUR-ni-i-e} Менуа говорит: «Завоевал я страну Диауехи». Но чаще и при основах на *-i* окончание родительного падежа *-i* в написании отмечается постановкой после основы специального знака

⁵⁹ Некоторые исследователи на этом основании, наоборот, ставят вопрос — не произошло ли окончание эргативного падежа, графически обычно передаваемое через *-še*, как *š*.

для *-i*, например: *Dḥal-di-i i-a-ra-ni* 'часовня (?) бога Халди'; *Dḥal-di-i pa-a-ta-ri* 'город бога Халди'; *Iar-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-hi* 'оружие Аргишти'.

В окончании родительного падежа единственного числа весьма резко проявляется характерное для урартского языка колебание между гласными *i* и *e*. Так, в ряде случаев вместо *i* окончанием родительного падежа выступает *e*; особенно часто это встречается, когда основа оканчивается на *e*, например: *VI LIM VI ME LUMÉŠgunusini ersidubi ištini* *KURḥate* (*KURḥa-te-e*) *KURšupani* (*KURšu-ú-pa-a-ni*) '6600 воинов страны Хате [и] страны Цупани я там поселил'; *ḥaubi* *KURurme* (*KURur-me-e*) *KUR-ne* 'я завоевал страну Урме'.

Но и в других случаях *e* выступает в качестве окончания родительного падежа: *Iḡenuani Iišpuineḥe...aluse URUtušpae URU* 'Менуа, сын Ишпуини, [есть]... правитель города Тушпа'.

Если основа оканчивается на *-i*, то вместе с окончанием родительного падежа *-e* в конце слова в написании мы получим комплекс *-ie*, произносящийся, по всей вероятности, как *e*, например: *NIG¹Dsardure* (*¹Dsar-du-ri-e*) (вариант: *NIG¹Dsar₅-du-ri-i*) 'собственность [царя] Сардури'; *KURaš-qa-la-ši-e* (*KURaš-galaše*) *KUR* 'страна Ашкалаши'.

Во множественном числе родительный падеж имеет окончание *-iil-ue*, перед которым ставится еще показатель множественного числа *-a*. Хотя имеются случаи, когда суффикс *-aue* непосредственно присоединяется к основе (например: *LUGAL erilaue*), чаще все же он присоединяется к слову, стоящему в именительном падеже, например: *KURēbaninaue* (<*KURēbanini-aue*) *DINGIR* 'богу стран'; *ŠADUalganinaue DINGIR* 'богу гор(?)'; *Dšuininaue DINGIR* 'богу озер'.

Дательный падеж. Характерным окончанием для этого падежа в единственном числе при основах с исходом *-i*, *-e*, *-u* является *e*, присоединяемое непосредственно к основе: *Dḥal-di-e e-ú-ri-e* (*Dḥalde eure*) 'богу Халди, владыке'; *Dḥaldi-ni ušmašie* (*ušmaše*) 'могуществу бога Халди'; *Dšebitue* 'богу Шебиту'.

Слова, имеющие основу с исходом на *-a*, в дательном падеже единственного числа оканчиваются на *-a*, которое в произношении, несомненно, сливалось в один звук с находящимся в конце основы *-a*. В письме второе *-a* (падежное окончание) отражается не всегда; так, встречается *Dqū-e-ra* 'богу Куера'; *Iḡe-nu-a* '[царю] Менуа'; *Iḡ-nu-uš-pu-ú-a* и т. д. и *D'a-na-ap-šá-a* 'богу Анапша'; *Dqū-ú-e-ra-a*, *Da-da-ru-ta-a*, *De-ri-na-a*.

И в окончании дательного падежа единственного числа встречается колебание в передаче гласных *-i* и *-e*: так, иногда слово, стоящее в дательном падеже, имеет окончание *-i* вместо *-e*, например: *Ddi-du-a-i-ni* 'богу Дидуаини'. При повторении текста, в той же надписи, мы уже имеем: *Ddi-e-du-a-i-ni-e*; *Dip-ḥa-ri* 'богу Ипхари'; *ma-ni-ni ul-gu-še Iiṣ-pu-ū-i-ni* *IDSar-du-ri-ḥi-ni 'me-nu-a Iiṣ-pu-ū-i-ni-e-ḥi-ni* 'да будет жизнь Ишпуини, сыну Сардури, [и] Менуа, сыну Ишпуини'.

Форма множественного числа дательного падежа по своему окончанию ^{ae}/_{ani} не отличается от формы родительного падежа множественного числа. Как и в родительном падеже, окончание *-aue* дательного падежа множественного числа имеет тенденцию присоединяться не к чистой основе, а к слову, стоящему в форме именительного падежа единственного числа, т. е. к *ni*-форме основы (*Lūḥuradi* 'воин', им. пад. ед. числа: *Lūḥuradini*, отсюда дат. пад. мн. числа: *Lūḥurdinaue* < *Lūḥuradini-aue*).

Кроме своих обычных функций, дательный падеж, по всей вероятности, применяется для обозначения времени: *ikukani šale* 'в том же году'; *šusine šale* 'в один год' ('в продолжении одного года').

В урартском дательный падеж играл роль и местного падежа, например: *terubi manini esini LUGÁL-tuḥini* 'поставил я его на царственное место', или: *GUD II UDU DIM KÁ URUirdia* 'быка и двух овец воротам бога Тейшеба в городе Ирдиа' и *GUD II UDU DUTU KÁ URUuišini* 'быка и двух овец — воротам бога Шивини в городе Уишини', или: *eršidubi KURebaniuke* 'поселил я [их] в моей стране'. Возможно, такое же явление перед нами в выражении, многократно засвидетельствованном в победных текстах: *Dḥaldini uštabi masine GIŠšure* 'бог Халди выступил [в поход] в своем оружии(?)' [т. е. со своим оружием(?)], или, например: *uštadi LUueli šusine* выступил я [в поход] в одном отряде(?)' (т. е. одним отрядом).

Творительный падеж отвечает на вопросы: «кем?», «чем?», «откуда?». Для этого падежа характерно окончание *-ni*, присоединяющееся в единственном числе непосредственно к основе, а во множественном — посредством признака косвенных падежей множественного числа *-a*, например:

а) в единственном числе: *Dḥaldinini ušmašini* 'мощью бога Халди'; *Dḥaldinini baušini* 'велением бога Халди'; *Dḥaldinini alsuišini* 'величием бога Халди'; *šusine uštiptini* 'одним походом'; *IDmunani IV PA₅MES aguli* 'из реки(?) я четыре канала провел'; *Dḥaldini bedini* 'со стороны бога Халди' *inukani esi(ni)ni* 'с этого места';

б) во множественном числе: *inani arniušinani* (варианты: *inani INIM MEŠ-ni, inani baušinani*); именительный падеж: *inili arniušinili, inili baušinili*; *KURluluinani KUR-nini* 'из вражеской страны'⁶⁰, или же с послелогом *-edini*: *LŪipriuanedini* (<*LŪipriuni-ani-edini*), *KURbiananedini* (<*KURbiaini-ani-edini*), *KURšuranedini, LŪA.SIMEŠ-nanedini LŪururdanedini*.

В словах с основой на *-še*, перед суффиксом творительного падежа единственного числа *-ni*, гласный исход *-e* переходит в *-i*: *alsuiše* → *alsuišini, ušmase* → *ušmašini, bauše* → *baušini* и т. д.

Но имеются случаи сохранения *-e*, например от *ulguše* 'жизнь' форма творительного падежа единственного числа (с послелогом *-edini*) *ulgušenedini* 'ради (из-за) жизни'.

Суффикс творительного падежа множественного числа (*-ani*), так же как и суффиксы других косвенных падежей множественного числа, обычно присоединяется не к чистой основе, а к *ni* — форме основы, т. е. к форме именительного падежа данного слова, хотя в виде исключения имеются случаи присоединения суффикса *-ani* к самой основе (например: *KURšuranedini* < *KURšuri-ani-edini*).

В некоторых случаях, в творительном падеже то или иное слово выступает со своеобразным окончанием: например, от *ulguše* — *ulgušiani* (с послелогом *-edini*: *ulgušianedini* 'ради жизни').

Послелог *-edini* всегда требует постановки слова именно в творительном падеже (см., например, цитированные выше: *KURbiainanedini, KURipriuananedini* и т. д.). Возможно, *ulgušiani* получено вследствие диссимиляционной потери звука от *ulgušinani* (твор. пад. мн. числа) или же здесь мы имеем своеобразное образование формы творительного падежа единственного числа в результате дифтонгизации *i > ia* (по значению здесь более подходит именно ед. число).

С таким же явлением мы встречаемся и в слове *šuiniani*, например: *inani aptini šuiniani* 'с этой стороны озера' и *išani aptini šuiniani* 'с той стороны озера'. По всей вероятности, аналогична приведенным примерам форма *masin'ani*, дважды встречающаяся в трудно понимаемом контексте.

Направительный падеж отвечает на вопрос «куда?», иногда употребляется для обозначения цели («directivus finalis»).

⁶⁰ В предложении *KURluluinani KUR-nini* первое слово стоит в творительном падеже множественного числа (названия стран часто имеют флексию мн. числа), а второе (*KUR-nini = ebanini*) — в творительном падеже единственного числа.

В единственном числе характерным для направительного падежа окончанием является *-edi* или *-idi*, присоединяющиеся к основе, например: *uš-ta-di KURur-me-e-di* 'выступил я [в поход] на страну Урме'. Если основа имеет исход *-i* или *-e*, то начальный гласный суффикса направительного падежа i/e сливается с гласным исходом основы и иногда даже в написании встречается лишь один гласный, например: *i-ú Dḡal-di-ka-a-i URUar-di-ni-di nu-na-a-li Iš-pu-ú-i-ni-ni IDsar₅-dur₆-e-ḡe Ime-nu-a Iš-pu-ú-i-ni-ḡé* 'когда перед богом Халди в город Ардини явились Ишпуини, сын Сардури, [и] Менуа, сын Ишпуини'; *KURur-me-ú-ḡi-di* 'на страну Урмеухи'; *Idi-a-ú-ḡi-ni-di* 'на Диаухи'.

Часто в написании при присоединении суффикса *-edi* к основе на *-i* возникает комплекс *-iedi*, произносящийся, по всей вероятности, как *-edi*: *Dḡal-di-e-di (Dḡaldedi)*, *Ilu-ša-i-ni-e-di (Ilušainedi)*, *Idi-a-ú-e-ḡi-ni-e-di (Idiaḡinedi)*.

Иногда суффикс *-edi* пишется в форме *-iedi*: *KURur-me-i-e-di (KURurmedi)*. Но иногда между гласным исходом основы и суффиксом направительного падежа появляется в написании *g* (см. стр. 23 наст. изд.): *uš-ta-a-di KURba-bi-lu-ni-e KURe-ba-ni-gi-di* 'выступил я [в поход] на страну Бабилу'.

Если основа оканчивается на *-a* или *-u*, то обычно суффикс *-edi (-idi)* присоединяется к основе без изменений, например: *qiuraedi* (вариант: *qiuraidi, qiraedi*), *URUmeištaedi KURmanaidi, napaḡaidi, KURbaršḡaidi* и т. д.; иногда в таких случаях суффикс *-edi* пишется в форме *-iedi* (в произношении *edi*), например: *qi-ú-ra-i-e-di (qiuraedi)*.

Но иногда комплекс $-ai/ae$, полученный при встрече гласного *a* основы с начальным гласным суффикса i/e , превращается в *a*, например: *URUšudaladi (URUšudala-e/idi)*; *zainuadi (zainua-e/idi)*; *LUpurunurdadi*.

Во множественном числе мы имеем двойное образование формы направительного падежа:

1. Посредством суффикса *-aidi (-aedi)* — показатель множественного числа косвенных падежей *-a* и окончание направительного падежа $-i/e di$ — присоединяющегося преимущественно к форме именительного падежа единственного числа (при этом гласное окончание основы выпадает), например: *KURbiainaidi (<KURbiaini-aidi)*, *Irusaḡinaidi (<Irusaḡini-aidi)*.

Иногда в окончании направительного падежа множественного числа *-aidi, (-aedi)*, в дифтонге ai/ae происходит выпадение второго члена дифтонга i/e , и падежное окончание принимает форму *-adi*; *KURetiuhinadi (<KURetiuhini-aidi)*; *Imenuaḡinadi (<Imenuaḡini-aidi)*; *KURbiainadi (<KURbiaini-aidi)*.

2. Посредством суффикса *-ašte (a-šte)*, перед которым также теряется гласный исход основы: *LÚA.SIMEŠ-ašte; DINGIRMEŠ-ašte KURbiainašte (KURbiaini-ašte)*.

Местный падеж. Характерным для этого падежа окончанием как в единственном, так и во множественном числе является *-a*, которое присоединяется в единственном числе, как правило, к чистой основе, во множественном числе (в большинстве случаев) — к форме именительного падежа единственного числа. Во множественном числе окончание *-a* является продуктом слияния показателя множественного числа косвенных падежей *-a* и окончания местного падежа *-a*. В единственном числе при присоединении падежного окончания гласный исход основы $^i/e$ (во всяком случае, в письме) сохраняется, например, *Dḫaldia, KURetiunia, ṣuinia, esia, babania*.

Если основа оканчивается на *-a*, то окончание местного падежа сливается с гласным исходом основы, и мы здесь имеем форму основы: *URUšebeteria Dḫaldi iarani šidištuni* 'в городе Шебетерия он построил часовню(?) бога Халди'; *DUB-te URUildamuša terubi* 'в городе Илдамуша я надпись установил'.

Во множественном числе при присоединении падежного окончания происходит выпадение гласного исхода $^i/e$: *Irusahinakai* (< *Irusahini-a-kai*); *Iargištiḫina* (< *Iargištiḫini-a*); *LÚA.SIMEŠ-na* (*LÚhuradina* < *LÚhuradini-a*); *Dḫaldina* (< *Dḫaldini-a*) *KÁ-kai*; *gunuša* (< *gunuše-a*).

Для большей наглядности приведем примеры склонения отдельных урартских слов:

1. Основы на *-i*: *Dḫaldi* 'бог Халди', *Dḫaldini* 'халдовский', *KURbiainili* '[страна] Бианили', *esi* 'место', *I diau(e)ḫi* 'племя (страна) Диау(е)хи', *Irusahinili* '[город] Русахинили'.

Единственное число

Неоформ.	<i>Dḫaldi</i>	<i>Dḫaldini</i>	<i>esi</i>	<i>I diaueḫi</i>
Им.	<i>Dḫaldini</i>		<i>esini</i>	<i>I diaueḫini</i>
Эргат.	<i>Dḫaldiše</i>	<i>Dḫaldiniše</i>		<i>I diaueḫiniše</i>
Род.	<i>Dḫaldⁱ/e</i>	<i>Dḫaldine</i>	<i>esine</i>	<i>I diauḫine</i>
Дат.	<i>Dḫalde</i>	<i>Dḫaldine</i>		<i>I diauḫine</i>
Твор.		<i>Dḫaldinini</i>	<i>esi(ni)ni</i>	
Напр.	<i>Dḫaldedi</i>			<i>I diauḫinidē</i>
Мест.	<i>Dḫaldia</i>		<i>esia</i>	

Множественное число

Неоформ.	<i>Dħaldinili</i>	<i>KURbiainili</i>	<i>Irusaħinili</i>
Эргат.		<i>KURbiainaše</i>	
Род.-дат.	<i>Dħaldinaue</i>	<i>KURbiainaue</i>	<i>Irusaħinaue</i>
Твор.	<i>Dħaldinani</i>	<i>KURbiainani</i>	
Напр.		{ <i>KURbiaina(i)di</i> <i>KURbiainašte</i> }	<i>Irusaħina(i)di</i>
Местн.	<i>Dħaldina</i>		<i>Irusaħina</i>

2. Основы на *-e*: *bauše* 'слово', 'приказ', 'предмет', 'вещь'; *alsuiše* 'величие', *gunuše* 'битва', *šue* 'озеро', *ulguše* 'жизнь', *ħare* 'дорога'.

Единственное число

Неоформ.	<i>bauše</i>	<i>alsuiše</i>	<i>gunuše</i>	<i>šue</i>	<i>ulguše</i>	<i>ħare</i>
Дат.		<i>alsuiše</i>				
Твор.	<i>baušini</i>	<i>alsuišini</i>	<i>gunušini</i>	<i>šuiniani</i>	<i>ulgušiani</i>	
Направ.						<i>ħaredi</i>

Множественное число

Им.	<i>baušinili</i>	
Твор.	<i>baušinani</i>	
Местн.		<i>gunuša</i>

3. Основы на *-a*: *I menua* 'Менуа', *URUtušpa* 'город Тушпа', *İDildarunia* 'река Илдаруниа', *burgana* 'крепость(?)', *baba* 'гора', *qiura* 'земля'.

Единственное число

Неоформ.	<i>I menua</i>	<i>URUtušpa</i>	<i>İDildarunia</i>	<i>burgana</i>	<i>baba</i>	<i>qiura</i>
Им.	<i>I menuani</i>	<i>URUtušpani</i>		<i>burganani</i>	<i>babani</i>	
Эргат.	<i>I menuaše</i>					
Род.	<i>I menuai</i>	<i>URUtušpa</i> ^{1/e}				
Твор.			<i>İDildaruniani</i>			
Напр.						<i>qiura(i)dī</i>
Местн.					<i>babania</i>	

Множественное число

Неоформ.			<i>burganali</i>			
Род.-дат.		<i>URUtušpauae</i>			<i>babaname</i>	
Твор.						<i>qiurani</i> (ед. ч.?)

4. Основы на *-u*: *KURbuštu* 'страна Бушту', *URUtuliḫu* 'город Тулиху', *URUšašilu* 'город Шашил', *Dšebitu* 'бог Шебиту'.

Единственное число

Неоформ.	<i>KURbuštu</i>	<i>URUtuliḫu</i>	<i>URUšašilu</i>	<i>Dšebitu</i>
Им.	<i>KURbuštu- ni</i>	<i>URUtuliḫu- ni</i>	<i>URUšašilu- ni</i>	
Род.	<i>KURbuštue</i>	<i>URUtuliḫui</i>	<i>URUšašilui</i>	
Дат.				<i>Dšebitue</i>
Напр.	<i>KURbuštu- edi</i>			

МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Личные местоимения в урартских текстах засвидетельствованы лишь в формах 1-го и 3-го лица единственного числа.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа засвидетельствовано в форме эргативного падежа: *ieše* 'я', например: *ieše ini pili agubi* 'я этот канал провел', а также в форме косвенных падежей: *-me* 'мне', 'меня', которое энклитически присоединяется как к именам существительным, так и к местоимениям, и глагольным формам, например: *Dḫaldiš-me aruni* 'бог Халди дал мне'; *arume* 'он дал мне'; *artu-me* 'они дали мне'; *aluš-me* 'кто мне' и т. д.

При присоединении местоименной частицы *-me* вследствие диссимиляционной потери происходит выпадение глагольного окончания 3-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов *-ni*: *arume* (от *aruni-me* 'он дал мне'). В некоторых других глагольных формах, а также в именах существительных и местоимениях, стоящих в эргативном падеже, происходит потеря гласного исхода слова: *Dḫaldišme* (от *Dḫaldiše-me*) 'бог Халди мне', *alušme* (от *aluše-me*) 'который мне', *ḫašialme* (от *ḫašiali-me*) 'прислушались они ко мне'.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа в неоформленном падеже имеет форму *mani*: *turinini Dḫaldiše DIM-še DUTU-še DINGIR MEŠ-še mani* 'пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, [все] боги его'.

В именительном падеже единственного числа это местоимение предстает в форме *manini*: *terubi manini esini LUGAL-tuḫini* 'поставил я его на царственное место'⁶¹.

⁶¹ Это обстоятельство заставляет нас признать, что основой личного местоимения 3-го лица единственного числа является *mani-*, а не *ma*, как это думает И. Фридрих, — см. J. Friedrich, *Einführung...*, S. 17.

Формой косвенных падежей личного местоимения 3-го лица единственного числа является *-ni*, подобно *-te* энклитически присоединяющееся к слову, вызывая выпадение гласного окончания этого последнего: *alušni* (<*aluše-ni*) *tule* 'кто ее (надпись) уничтожит'; *meini* *Dħaldiše* DIM DUTU *kulituni mei tini mei zilibi ġuraedi* 'пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини не оставят на земле ни его [самого], ни [его] имя, ни [его] семья'.

Притяжательные местоимения. Притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа *uki* 'мой', энклитически присоединяющееся к слову, к которому оно относится: *KURebaniuki* 'моя страна'. Падежные окончания в таких случаях присоединяются в конце формы, после суффикса *-uki*: *Iutupuršini... nunabi kaiuke* (дат. пад.) 'Утупурши явился передо мной'; *KUR-ni KURebaniukidi* (напр. пад.) *abilidubi* '[завоеванную] страну я к моей стране присоединил'; *ersidubi KURebaniuke* (дат. пад.) 'поселил я [их] в моей стране'.

Иногда при этом наблюдается выпадение начального гласного *u* суффикса *-uki*: *KURebanikidi*; иногда же, напротив, происходит выпадение гласного окончания слова, к которому присоединяется суффикс *-uki*: *nunabi Iħilaruadani kauke (kaiuke)* 'явился Хиларуада передо мной'.

Притяжательным местоимением 3-го лица единственного числа является *masi* 'свой': *aluše tinini tule mase tini teli* 'кто [мое] имя уничтожит [и] свое имя поставит'.

Указательные местоимения. Наиболее часто встречается в текстах указательное местоимение *ini*, указывающее близкий предмет: 'этот', 'это'. *ini* является чистой основой.

В текстах засвидетельствована форма неформленного падежа множественного числа этого местоимения *inili*, а также форма творительного падежа множественного числа *inani*: *Imenuaše Iišpuiniħiniše ini pili aguni* 'Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел'; *inili ebanili* 'эти страны'; *inani arnišinani* 'из этих вещей (предметов, созданий)'. Возможно, формой именительного падежа единственного числа этого местоимения является встречающееся в некоторых урартских текстах *inini*.

По-видимому, с местоимением *ini* находится в связи слово *ina*, являющееся, по всей вероятности, формой местного падежа от *ini* и имеющее значение 'в этом' ('в этой', 'в это'), а также 'тут', 'здесь'. От *ini* мы имеем образования:

1) с наращением частицы *-ni* 'из' (форматив твор. пад.): *inani* 'с этой (стороны)', 'отсюда', например: *inani aptini šiiniani* 'с этой стороны озера';

2) с присоединением суффиксов принадлежности *-ini* и *-hini*: *ina-ini* > *inani* или *ina-hini* 'таковой', 'такой', 'этот': *inani burganani* 'эта крепость (?)'; засвидетельствована форма множественного числа *inani-inanili: inanili arniušinili* 'эти деяния'. Что касается параллельной формы *inahini*, то в текстах она встречается лишь в родительно-дательном падеже множественного числа — *inahinaue: inahinaue URUMES inī PA₅ hurišhi manini* 'да будет этот канал оросителем (?) этим городам'.

Как правило, названные указательные местоимения в предложении стоят впереди тех слов, к которым они относятся, но имеются исключения.

К указательному местоимению *ini* присоединяется суффикс *-uki*, являющийся, как мы видели, притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа ('мой'). Но в данном случае этот суффикс, по-видимому, вносит какой-то утвердительный характер в значение местоимения *ini*. При присоединении суффикса *-uki* происходит потеря гласного исхода *-i*; таким образом, мы получаем *inuki* (< *ini-uki*), имеющее значение 'этот самый' (а также: 'такой', 'таковой'). В отношении местоимения *inuki* наблюдаются те же явления, что и в отношении *ini*. И здесь из незасвидетельствованной в текстах формы местного падежа *inuka* происходит образование:

1) с присоединением частицы *-ni* ('из'): формы *inukani* 'с этого (места и т. д.)', 'отсюда': *inukani esinini* 'с этого (места)';

2) с присоединением суффиксов принадлежности *-ini* и *-hini*: *inukani* (< *inuka-ini*) и *inukahini* 'такой', 'таковой', 'этот'. Первое из них засвидетельствовано лишь вместе с *edini*: *inukani edini* 'вслед за тем', 'потом'; *inukahini: inukahine Irusaine hubi* 'этой долине (?) [царя] Руса'.

Параллельно с этим: *ikukani* (от *ikuka-ini*) и *ikukahini* 'тот', ('та', 'то'), 'тот самый'. Они образованы, несомненно, от незасвидетельствованного в текстах местоимения *ikuki* (от местного падежа последнего: *ikuka*) 'тот самый', которое, в свою очередь, образовалось от *iki-uki* (ср. выше *ini-uki* > *inuki*). Таким образом, можно предполагать существование в урартском языке наряду с *ini* другого указательного местоимения *iki*, указывающего на далеко находящийся предмет: 'тот', 'та', 'то'.

Вполне вероятно, что встречающееся в одной надписи слово *akuki* (*akuki MU akuki* 'год') также является указательным местоимением, образованным от простой основы еще одного указательного местоимения *aki* с присоединением того

же суффикса *-uki* (*aki-uki* > *akuki*). Очевидно, с указательным местоимением мы имеем дело и в *išani* 'с той (стороны и т. д.)', 'оттуда'. Несомненно, оно образовано так же, как *inani*, и подразумевает существование указательного местоимения *iši* (отсюда местный падеж *iša + ni* > *išani*).

Часто к указательным местоимениям присоединяется *edini*: *ini edini*, *inukani edini*, *ikukani edini*, *ikukašini edini*, имеющие, по всей вероятности, значение: 'потом', 'впоследствии', 'вслед за тем' (развившееся из понятия: «отсюда»). В билингве Топузавы *inukani edini*, по-видимому, соответствует ассирийскому *ina arkâniš*.

От указательного местоимения *ini* мы имеем еще образование посредством суффикса имен прилагательных *-usi*: *inu-si(ni)* (< *ini-usi(ni)*). Это последнее, по-видимому, имело значение 'такой', 'таковой'.

Определительные местоимения. Из них нам известно *uli* 'другой', склоняющееся обычным образом: *aluše uliše* (эргат. пад.) *tiule ieše URULušiunini haubi* 'кто другой скажет: «Я завоевал город Лухиуни»; *aluše ule inili duli* 'кто другого заставит совершить эти [дела]'.

Относительные местоимения следующие: *ali* 'который (-ая, -ое)', 'кто', 'что', 'каковой (-ая, -ое)': *ali 'aše manu arubi LÛhuradinaueMEŠ* 'который [из пленных] был мужчиной — я отдал воинам'; *inani LUGÂL-e nunabi mei ali LÛA.SIMEŠ-še partu šeri partu* 'это досталось царю, но что воины забрали, забрали они отдельно'.

В неоформленном падеже множественного числа мы имеем закономерное *alⁱ/e*. В эргативном падеже единственного числа это местоимение уже выступает с измененной основой с гласным исходом *-u* и имеет форму *aluše*: *aluše ini DUB-te tule* 'кто эту надпись уничтожит' и т. д.

К основе относительного местоимения *ali/alu* присоединяются частицы: *-kⁱ/e*, *-pi*, например: *aliki (alike)* 'некоторый', обычно в сочетании *aliki...aliki* 'некоторые...некоторые', 'одни... другие': *aliki zašgubi aliki šehiri agubi* '[из захваченных в плен людей] одних я умертвил, других же живыми увел'.

По-видимому, примерно то же, что значит *aliki... aliki*, означала и конструкция *ali... alipi*. *IDSarduriše ale ali LÛUKÛMEŠ GIŠšurginikaini kuluaršibi šatuni ŠADUuškiani ŠADUbamni badgulubi zašgubi alipi kuluaršibi DIM-še GIBÎL-bi* 'Сардури говорит: [тот] народ, который перед [моим] оружием (?) сбежал (?) [и] занял (?) гору (?) Ушкиани [и] гору (?) Бамни, я [их] осадил (?) [и] умертвил, других же, [которые]

бежал[и], бог Тейшеба сжег'; ср. также: *ali A^{HA} Irušahinaue ipšadule absilatini alipi abilīue*.

С другой стороны, мы имеем форму *aluk^{i/e}* (засвидетельствованное в надписях слово *aluka*, по-видимому, представляет собой форму местного падежа от *aluk^{i/e}*), которая, по всей вероятности, образована от *ali* посредством суффикса *-uki* (*ali-uki* > *aluki*), т. е. так же, как от указательного местоимения *ini* образована форма *inuki*, по своему значению мало отличающаяся от *ini* (см. выше). Если руководствоваться этим обстоятельством, то можно сказать, что и *aluk^{i/e}*, возможно, по своему значению мало отличалось от *ali*⁶².

Неопределенные местоимения следующие: *ainiei* (варианты: *aini*, *aniei*) 'кто-то', 'кто-либо', 'кто-нибудь', 'кое-кто', 'некто'⁶³, например: *aluše ainiei inili duli* 'кто кого-нибудь заставит совершить эти [дела]'; *URUluhiunini URU LUGAL-si ali ue aiše ainiei qabqasulalani aruni Dħaldiše Imenua Iiš-puinihine* 'город Лухиуни, царский город, которым никогда никто не овладевал (?), дал бог Халди Менуа, сыну Ишпуини'; *qirani širabae manu ui aini ištini aiuri* 'земля была необитаемой (?), никто там не находился'.

giei (варианты: *gie*, *gi*) 'что-то', 'что-нибудь'. А. Гётце придает *giei* значение 'когда-то', 'когда-нибудь'⁶⁴, но скорее всего по контексту ему можно дать значение 'что-то', 'что-нибудь'⁶⁵: *ui giei ištini šidauri* 'ничего не было там построенно'; *ui giei ištini manuri* 'ничего не было там'; *aluše giei inukani esinini šiule* 'кто что-нибудь с этого места унесет'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Из количественных числительных нам известны: 1) *šusini* 'один': *šusini šale* 'в один год', 'за один год'. В данном случае *šusini*, по всей вероятности, стоит в дательном падеже, который употребляется для обозначения времени. В текстах засвидетельствована и форма местного падежа этого числительного: *šusina MUMEŠ KURbiainili nulduli KURluluinili zeldubi*; 2) *atibi* 'десять тысяч'.

⁶² *aluki* можно объяснить и по-другому: оно образовано от параллельной с *ali* основы *alu* с прибавлением частицы *-ki* (см. *ali-ki*) и является фонетическим вариантом *aliki*.

⁶³ А. Goetze, — RHA, 22, S. 179.

⁶⁴ Ibid., s. 185.

⁶⁵ Г. А. Меликишвили, *Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту*, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9.

О порядковых числительных мы можем судить по за свидетельствованным формам наречий: *tarani* 'во второй раз' и *šišṭini* 'в третий раз', хотя такое значение этих слов не является несомненным.

ГЛАГОЛ

При оформлении урартского глагола основным является различие между переходными и непереходными глаголами. Окончанием, характерным для основ переходных глаголов, является *-u*, например: *zadu-* 'создавать', *šidištu-* 'строить', *teru-* 'ставить', 'устанавливать', *aru-* 'давать' и т. д.

Часто встречается образование переходных глаголов посредством глагольной основы *du* 'делать', играющей в данном случае роль вспомогательного глагола, например: *uelidu* 'собирать'—ср. *ueli* 'собрание' (?), 'отряд' (?); *šeridu* 'отделять', 'выделять' (от *šeri* 'отдельно', 'отдельный'); *atqanadu* 'совершать жертвоприношение' (от *atqana(ni)* 'жертва', 'жертвоприношение'); ср. также: *abilidu*, *lakudu*, *luruqudu*, *ubardudu*, *uediadu* и т. д.

Основа непереходных глаголов оформляется окончанием *-a*: *nuna* 'прийти', 'приходить' и т. д. Встречаются иногда одни и те же корни, оформляемые и как переходные глаголы (посредством *-u*) и как непереходные (посредством показателя непереходных глаголов *-a*), например: *šia* 'идти', 'уходить', 'приходить' и *šiu* 'приносить' ('приводить'), 'уносить' ('уводить'), *ušta* 'направиться', 'отправиться' и т. д. и *uštu* 'направить', 'преподнести'.

В качестве префиксов при образовании глагольных основ, очевидно, можно выделить *ul* [см. *ušt(a)* 'направиться' и *ulušt(ia)* 'предшествовать'], а также *sul* [см. *ušt(a)* и *sulušt(i)* 'пасть ниц'].

Непереходные глаголы

Образование прошедшего времени. К основе непереходных глаголов в прошедшем времени присоединяются следующие окончания:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-di</i>	
3-е л.	<i>-b'ⁱ</i>	<i>-li</i>

Так, для глаголов *ušta* 'выступать (в поход)', *nuna* 'приходить', *naḥa* 'приходить', 'восходить', *šia* 'идти' засвидетельствованы следующие изменения:

1-е л.	<i>uštadi, nunadi, naḥadi, šiadi</i>	
3-е л.	<i>uštabi, nunabi, naḥabi, šiabi</i>	<i>uštali, nunali</i>

Формы непереходных глаголов с основой на *-ia*. Встречаются случаи, когда основа непереходных глаголов образуется не одним лишь гласным исходом *-a*, как это бывает обычно, а комплексом *-ia*. К такой основе при спряжении присоединяются личные окончания непереходных глаголов (*-di, -bi, -li*) и, таким образом, образуются формы, оканчивающиеся в 1-м лице единственного числа на *-iadi*, например: *kuṭiadi* 'я дошел (до)', *ḥutiadi* 'я взмолился', *bidiadi* 'я повернулся'; в 3-м лице единственного числа на *-iabi*, например: [] *derasiabi* '(он) боялся (чего-нибудь)'.

Форма 3-го лица множественного числа оканчивалась на *-iali*: *arnuiali* 'они пришли на помощь (кому-нибудь)'. Такой же формой является *ḥašiali* (с суффиксом косвенного объекта 1-го лица ед. числа *-me*: *ḥašialme*): *ḥašialme DINGIRMEŠ* 'прислушались боги ко мне (к моей просьбе)'.

Если обратить внимание на глаголы, основы которых оформляются через *-ia*, можно заметить, что здесь перед нами во всех случаях глаголы, имеющие или обязательно подразумевающие какой-нибудь объект, т. е. отношение субъекта к кому-нибудь или к чему-нибудь: *ḥutia* 'взмолиться', 'обратиться с молитвою к кому-нибудь'; [] *derasia* 'бояться (чего-нибудь)'. Иногда таким объектом может выступать само действующее лицо: *bidia* 'повернуться (повернуть себя)'. Это, как нам кажется, объясняет засвидетельствованное в текстах явление, когда данная глагольная форма заменяется обычной формой переходного глагола, образованной от того же корня. Например, в урартских текстах полноценными вариантами выступают: *kuṭiadi* и *kuṭubi*, стоящие всегда в связи с предлогом *pari* 'до'. Как *kuṭiadi pari*, так и *kuṭubi pari* в победных текстах урартских царей, несомненно, обозначают одно и то же: 'я дошел до' ['я довел (себя) до'].

Таким образом, форма непереходных глаголов с основой на *-ia* обнаруживает близость к переходным глаголам.

Формы непереходных глаголов с основой на *-i*. Некоторые непереходные глаголы имеют основу, оканчивающуюся на *-i*. При спряжении они принимают личные окончания непереходных глаголов. Так, формой 1-го лица единственного числа является, по-видимому, *išt^hi₁di* 'я выступил', 'я отправился', формой 3-го лица единственного числа — засви-

детельствованные в текстах: *suluštibi* 'он ниц повергся', *aištibi* 'он прыгнул', *kularšibi* 'он убежал'. Может быть, здесь перед нами та же глагольная форма, с которой мы встречались выше, в основах на *-ia*, и *-i* в этих случаях является следствием упрощения комплекса *-ia*⁶⁶.

Переходные глаголы

Настоящее время. Из форм настоящего времени переходных глаголов засвидетельствован лишь единственный случай: *al!*_e (в написании *ali*, *alie*) 'он говорит'⁶⁷, например: *IDsardu-riše IDargištiḫiniše ale* 'Сардури, сын Аргишти, говорит'. Так как у нас нет материала для сравнения, мы не в состоянии расчленив это слово и сказать что-нибудь определенное о том, что является здесь окончанием, характерным для данной глагольной формы, и что — основой.

Прошедшее время. Более ясно обстоит дело в отношении спряжения переходного глагола в прошедшем времени. Засвидетельствованы формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного чисел. Характерными для этих форм окончаниями являются:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-bi</i> , <i>-li</i>	<i>-še</i>
3-е л.	<i>-ni</i> , <i>-me</i> , <i>-ali</i>	<i>-itu</i> , <i>-ituni</i> , <i>-ituli</i> , <i>-itume</i>

Эти окончания присоединяются к основе глаголов на *-и* (показатель переходности). В 1-м лице единственного числа окончание *-bi* ставится в тех случаях, когда объект данного глагола — один, например: *ieše ini pili aubi* 'я этот канал провел'; *I argištiše ale ḫaubi KURetiunini* 'Аргишти говорит: «За-

⁶⁶ И. М. Дьяконов допускает, что рассмотренный здесь суффикс *-i* является упрощением комплекса *-ai* (*suluštaibi*, *aištaibi*, *kularšabi*, сюда же относится он форму *uluštaibi*), см. И. М. Дьяконов, *Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков*, — «Переднеазиатский сборник», стр. 400, прим. 65.

⁶⁷ Такое значение этого слова вызывает некоторые сомнения, и отдельные исследователи не считают его глагольной формой. Аргументом в пользу признания *alie* глагольной формой со значением 'он говорит', как указал акад. В. В. Струве, может служить тот факт, что в древнейших урартских надписях — в ассирийских текстах Сардури, сына Лутипри — историческое повествование начинается ассирийской глагольной формой *izakar (ma)* 'он говорит (следующим образом)'; в исторических надписях ассирийских царей такая вводная формула не встречается. Полную аналогию к урартскому *alie* нам дает, по мнению В. В. Струве, вводная формула древнеперсидских царских надписей *Iatti*.

воевал я страну Этиун и». Суффикс может быть употреблен и при множестве объектов, например: *URUMĚŠ GIBÍL-bi É. GALMEŠ harharšubi* 'города я сжег, крепости же разрушил'; *LŪhuradinili uelidubi* 'воинов я собрал'.

Но в ряде случаев, когда объект стоит во множественном числе, показатель 1-го лица единственного числа *-bi* заменяется окончанием *-li*, которое здесь, несомненно, передает множественность объекта: *LŪhuradiniliMEŠ kedanuli* 'воинов я отправил'; *LŪA. SIMEŠ ueliduli* 'воинов я собрал'; *ieše LŪA. SIMEŠ-ni kuli* 'воинов я отпустил'; *KURbiainili nulduli* 'страной Бианили я правил'; *É. GALMEŠ šiduli* 'крепости я построил'; *ieše šidištuli inili E. GALMEŠ* 'я построил эти крепости'.

При образовании названных выше глагольных форм происходит ряд фонетических изменений, например: если окончание 1-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов при множестве объектов *-li* присоединяется к основе, в которой перед показателем переходных глаголов *-u* есть согласный *l*, то происходит регрессивная диссимиляционная потеря слога (так, от *kulu-li* мы получаем *kuli* 'я отпустил').

В форме 1-го лица единственного числа прошедшего времени, как и в некоторых других формах, происходит выпадение конечного гласного корня при присоединении показателя переходных глаголов *-u*, например: *tiubi* 'я сказал' (от *tiau-bi*).

В 3-м лице единственного числа при одном объекте основа переходного глагола принимает окончание *-ni*: *Imenuaše lišpuinihiniše ini pili aguni* 'Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел'; при множестве объектов — окончание *-ali*: *karuali IV LUGÁLMEŠ* 'он победил четырех царей'; *šatuali kureli* 'он обнял [мой] ноги'. Если к данной глагольной форме присоединяется еще окончание косвенного объекта 1-го лица единственного числа *-me* 'мне', то перед ним окончание 3-го лица единственного числа *-ni* выпадает (вследствие диссимиляционной потери слога), например: *aruni* 'он дал', *arumē* 'он дал мне', *ušhanuni* 'он даровал', *ušhanume* 'он даровал мне'.

В одной из надписей, по всей вероятности, засвидетельствована форма 1-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов. От основы *šidištu-* 'строить' с суффиксом *-še* образована форма *šidištuše* 'мы построили': *lišpuiniše ale IDsardurehiniše ieše Imenuaše lišpuinehiniše linušpuaše Imenuahiniše Dhalde suse šidištuše* 'Ишпуини го-

ворит: «Я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, [и] Инушпуа, сын Менуа, это *suse* бога Халди построили [мы]»⁶⁸.

Наконец, засвидетельствованы формы 3-го лица множественного числа, образующиеся посредством суффикса *-itu*. При присоединении суффикса *-itu* к основе обычно происходит выпадение показателя переходности *-и*, например: *haitu* (*hau-itu*) 'они завоевали', *atqanaditu* (*atqanadu-itu*) 'они пожертвовали', *tiaitu* (*tiau-itu*) 'они сказали', *atitu* (*atu-itu*) 'они съели'. Но иногда, наоборот, выпадает начальный *i* суффикса *-itu*, а показатель переходности *-и* сохраняется, например: *suidutu* (от *suidu-itu*) 'они отбросили', *šeridutu* (от *šeridu-itu*) 'они выделали'.

Если перед признаком переходности *-и* имеется *r*, то при присоединении суффикса 3-го лица множественного числа прошедшего времени *itu* исчезает как признак переходности *-и*, так и *-i* суффикса *-itu*: *paru-itu* > *paritu* > *partu* 'они угнали', 'они увели'; *aru-itu* > *aritu* > *artu* 'они дали'. Если же перед признаком переходных глаголов *-и* имеется *t* или *d*, то формы 3-го лица множественного числа прошедшего времени образуются правильно, например: *atu* → *atitu* (< *atu-itu*) и т. д. Но если такая форма получает еще другой суффикс, то происходит сокращение: *i* исчезает, *tt* (или *dt*) дает *t*, например: *šidištu* 'строить', *šidištitu* 'они построили', однако *šidištitu-li* > *sidištuli*; или *zadu* 'создавать', 'делать', *zaditu* 'они сделали', а *zaditu-me* > *zatumе* 'сделали — они — мне'; или *zatuli* 'сделали — они — их' от *zaditu-li* > *zadtuli* > *zatuli*.

Окончание *-itu* является показателем субъекта 3-го лица множественного числа, объект в этой глагольной форме остается неотраженным. Но засвидетельствованы и такие случаи, когда к окончанию 3-го лица множественного числа *-itu* присоединяются суффиксы, обозначающие объект: *ni* ('его') — показатель объекта 3-го лица единственного числа, *-li* ('их') — показатель объекта 3-го лица множественного числа, или *-me* ('мне') — показатель косвенного объекта 1-го лица единственного числа. Примеры: *kuitu-ni* 'они воздвигли ее (= стелу)'; *harharšitu-li* 'они разрушили их (= города)'; *artu-me* 'они дали мне'. Ниже приводятся засвидетельствованные в текстах формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного чисел прошедшего времени переходных глаголов *aru* 'давать', *zadu* 'делать', 'создавать', 'строить', *šidištu* 'строить', *paru* 'угонять', *kuii* (< *kuguii*) 'воздвигать'.

⁶⁸ И. И. Мещанинов, *Язык Ванской клинописи*, II, стр. 80; А. Goetze, — ZA, N. F. V, 1929, H. 1/3, S. 105.

Единственное число

1-е л.	<i>arubi</i> 'я дал его'	<i>šidištubi</i> 'я построил его'	<i>zadubi</i> 'я сделал его'	<i>parubi</i> 'я увел его'
		<i>šidištuli</i> 'я построил их'		<i>paruli</i> 'я увел их'
3-е л.	<i>aruni</i> 'он дал его'	<i>šidištuni</i> 'он построил его'	<i>zaduni</i> 'он сделал его'	<i>kuguni</i> 'он воздвиг его'
	<i>aruali</i> 'он дал их'	<i>šidištuali</i> 'он построил их'	<i>zaduali</i> 'он сделал их'	
	<i>arume</i> 'он дал мне'			

Множественное число

1-е л.	<i>šidištuše</i> 'мы построили'			
3-е л.		<i>partu</i> 'они угнали (его, их)'	<i>kuitu</i> 'они воздвигли (его, их)'	
			<i>kuituni</i> 'они воздвигли его'	
	<i>šidištuli</i> (< <i>šidištu-itu-li</i>) 'они построили их'	<i>zatuli</i> (< <i>zadu-itu-li</i>) 'они сделали их'		
	<i>artume</i> (< <i>aruitu-me</i>) 'они дали мне'	<i>zatumе</i> (< <i>zaduitu-me</i>) 'они сделали мне'		

Формы переходных глаголов с распространенной основой на *-ul*. Засвидетельствованы случаи, когда в основе переходных глаголов непосредственно перед показателем переходности *-u* включается частица *-ul*. Так, от простой основы переходного глагола *teru* 'ставить' и т. д. встречается распространенная основа *terulu*, или от *suidu* 'отбрасывать', распространенная основа *suidulu* и т. д. Трудно судить о функции частицы *-ul*, но, как отметил И. Фридрих, формы с такой распространенной основой по своему значению весьма близки формам с простой основой⁶⁹. Глагольная основа переходных глаголов, распространенная частицей *-ul*, спря-

⁶⁹ J. Friedrich, *Einführung...*, S. 5.

гается так же, как и обычная основа переходных глаголов. В текстах засвидетельствованы формы 1-го лица единственного числа с окончанием *-bi*, например: *terulubi*, *suidulubi*, *badgulubi*, *qabqarulubi*.

Формы переходных глаголов на *-abi*, *-ulabi*, *-ulani*. В урартских текстах встречается своеобразное оформление переходных глаголов, когда к основе присоединяются личные окончания, имеющие перед собой гласный *-a*: в 1-м лице единственного числа *-abi*, в 3-м лице единственного числа *-ani* и т. д. При получении этих суффиксов признак переходности *-u* выпадает. Например: *ḫarḫaršabi* (от *ḫarḫaršu-abi*): *ie-še* ^{KUR}*bamni ḫarḫaršabi* 'я страну Бамни разрушал (?)', Возможно, такая же форма засвидетельствованная в той же надписи — *uiabi*: ^I*argištiše ale inani MU. MU uiabi* 'Аргишти говорит: «Это я ежегодно...»', или *eridabi*.

Эта же форма образуется и от основ переходных глаголов, распространенных частицей *-ul*. Например: 1-е лицо единственного числа *ašulabi* (*ašulu-abi*) и 3-е лицо единственного и множественного чисел *-ašulani* (*ašulu-ani*): *inani LUGÁL-e nu-nabi mei ali* ^{LUA. SI} ^{MEŠ}-*še partu šeri partu iu* ^{KUR}*ebani ašulabi* 'это (речь идет о добыче и пленных. — Г. М.) досталось царю, но что войны забрали, забрали они отдельно, когда я [завоеванную] страну покидал (?)'; *inani partu* ^I*išpuiniše* ^{ID}*sardureḫiniše* ^I*menuaše* ^I*išpuiniḫiniše mei ali* ^{KUR}. ^{KUR}^{MEŠ} (?) *a šeridutu iu É. GAL ^{MES}*ašulani* 'это (речь также идет о добыче и пленных. — Г. М.) забрали Ишпуини, сын Сардури, [и] Менуа, сын Ишпуини, но что они выделили для стран, когда они покидали [завоеванные] крепости...'*

Возможно, такую же форму, как *ašulani*, представляет собой засвидетельствованное в надписях слово *qudulani*. Судя по контексту, в котором встречаются данные глагольные формы, здесь, возможно, — формы несовершенного вида прошедшего времени ⁷⁰.

Будущее время. Формы будущего времени переходных глаголов засвидетельствованы лишь в 3-м лице единственного числа. Эта глагольная форма образуется присоединением суффикса *-i/le* (в графике: *-li*, *li-e*) к основе переходных глаголов, например: *tiu-le* 'он скажет'. Формы будущего времени в текстах чаще всего встречаются употребленными в значе-

⁷⁰ И. М. Дьяконов предлагает считать формы на *-ani*, *-abi* формами наклонения долженствования, — см. «Переднеазиатский сборник», стр. 410 и др.

нии сослагательного-будущего: *aluše tule* 'кто уничтожит', *aluše tiule* 'кто скажет', *aluše šiule* 'кто унесет' и т. д.

Иногда данная форма имеет каузативный оттенок: *aluše ule inili dule* 'кто (кого-нибудь) другого заставит совершить эти [дела]'

Возможно, иногда с таким же оттенком употребляются эти глагольные формы в фразах с *aše* 'когда': *ikukahine¹ rusaine hūbi gi aše pili nikiduli* 'в этой долине (?) Руса (род. пад.), когда [кто-нибудь] заставит канал оросить что-нибудь...'

Очевидно, эта же глагольная форма налицо в таких выражениях, как *aše GIŠMEŠ ui aldinie guduli*; *aše GISūldi tanuli*; *aše GIŠūldi mešuli* и т. д.

Формы будущего времени с суффиксом объекта 3-го лица множественного числа *-alī* встречаются присоединяющимися к глагольному окончанию *-lefi*. Так, от глагольных основ *hu-* (<*hau-*) и *šiu-* образуются формы: *hūlialī (hu-li-ali)* и *šūlialī (šiu-li-ali)*: *aluše paḥanili ištini ni šūlialī aluše hūlialī auiei* 'кто [жертвенных] быков оттуда уведет, кто куда-нибудь их поведет'.

Глагольные формы на *-ri* справедливо признаны некоторыми исследователями формами 3-го лица единственного числа прошедшего времени среднего или страдательного залога⁷¹. Но среди форм на *-ri* ясно различаются:

1) формы, образованные посредством суффикса *-uri* от основ непереходных глаголов, например: *aiuri* (от *aia?*), *ušturi* (от *ušta-*: *ušta-uri* > *ušturi*), *manuri* (от *manu* 'быть', 'существовать');

2) формы, образованные суффиксом *-auri* от основ переходных глаголов, например: *agauri* (от *agu* 'уводить', 'проводить'), *šida(g)urī* (от *sidu* 'строить', 'воздвигать').

Глагольные формы на *-ri* всегда стоят в связи с отрицанием *ui* 'не'⁷². Так, мы встречаем⁷³: *inuki badusini (s)ui šida(g)uri gieī* 'такое величественное (?) ничего не было построено'; *ui gieī ištini šidauri* 'там ничего не было построено'; *qīurani quldini manu ui gieī šidauri ištini* 'земля была пустынной (?), ничего не было там построено'; *qīrani širabae manu ui aini*

⁷¹ J. Friedrich, *Einführung...*, S. 8; A. Goetze, — RHA, 24, Ss. 266—269 и т. д.

⁷² Об урартских формах на *-ri* см. Т. В. Гамкрелидзе, *К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка*, — ВДИ, 1956, № 4, стр. 143—145.

⁷³ Относительно перевода фраз, приведенных ниже, см. Г. А. Меликишвили, *Некоторые вопросы социально-экономической истории Наир-Урарту*, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 29 сл.

ištini aiuri 'земля была необитаемой (?), никто там не находился'; *KI^{TIM}quldini manu ui giei absiei GĀN^{GIŠ} ŠAMŠE^{GIŠ}GEŠTIN zari-ištini manuri ui PA₅ištini agauri* 'земля была пустынной (?), ничего... ни поля с посевами, ни виноградника, ни фруктового сада там не существовало, [и] канал не был там проведен'; *qarbi šalzi manu ui giei ištini šidauri* 'скала (?) была крутая (?), ничего не было там [раньше] построено'.

В урартских текстах встречается еще ряд слов, оканчивающихся на *-ri*, но в тех случаях, когда эти слова стоят вне связи с отрицательной частицей *ui*, трудно определить, к какой грамматической категории они относятся.

Повелительное наклонение

В текстах засвидетельствованы формы повелительного наклонения 2-го и 3-го лица единственного числа действительного залога и 3-го лица множественного числа страдательно-го залога.

Действительный залог. Форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа как переходных, так и непереходных глаголов образуется суффиксом *-i/e*, который при присоединении к основе глагола вызывает выпадение показателя переходности *-u* и показателя непереходных глаголов *-a*, например: *turi/e* (в написании *turi*, *turie*) (от *turu-i/e*) 'уничтожь!', *uli* (от *ula-i*) 'иди!'. Эти формы многократно встречаются в урартских надписях в формуле проклятия: (*aluše*) *tiule uli turi* '(кто) скажет: «Иди! уничтожь [надпись]!»'.

Для 3-го лица единственного числа характерно окончание *-inini* при присоединении которого к основе также происходит выпадение признака переходности *-u*, например: *turinini* 'пусть он уничтожит!' (от *turu-inini*), или *manini* 'пусть будет!' (от *manu-inini* < *maninini* < *manini*); *turinini* ^D*ḫaldiše* ^{DIM}*-še* ^{DUTU}*-še* ^{DINGIR}^{MEŠ} *mani* ^{DUTU}*-ni pini* 'пусть уничтожат'⁷⁴ бог Халди, бог Тейшеба, бог Шивини, [все] боги его под солнцем'; *manini* ^D*ḫaldini bedini* ^I*menua* ^I*išpuineḫine* ^I*inušpuā* ^I*menuaḫine ulguše pišuše alsuiše* 'да будет со стороны бога Халди, Менуа, сыну Ишпуини, [и] Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие'; по всей вероятности, такая же форма перед нами: *SUM-nini* = *arinini* (от *aru* - 'давать'), 'пусть даст!'.

Форма 3-го лица единственного числа повелительного на-

⁷⁴ В урартском тексте — единственное число.

клонения, как мы видим, может употребляться в значении 3-го лица множественного числа при множестве субъектов, если только ее субъекты стоят не впереди нее, а следуют за ней. Наоборот, когда форма повелительного наклонения следует за субъектом, то требуется постановка глагола в 3-м лице множественного числа. Окончанием 3-го лица множественного числа повелительного наклонения действительного залога является *-tinⁱeni* (*t* вносит в данный суффикс элемент множественности), присоединявшееся прямо к основе переходного глагола: *turutineni* (в написании *turutinieni*, от *turu* 'уничтожить') 'пусть уничтожат!', например: *Dħaldiše DİM-še DUTU-še qiuraše DINGIR^{MEŠ}-še turutineni mani e'a zilibi qiurani edini* 'Боги Халди, Тейшеба, Шивини, [и] земные (?) боги пусть уничтожат его, а также [его] семья на земле'⁷⁵.

Страдательный залог. Из форм повелительного наклонения страдательного залога засвидетельствованы формы 3-го лица единственного и множественного чисел. Формативом 3-го лица единственного числа является суффикс *-ulini*. Примеры: *UDU.MÁŠ.TUR Dħalde nipsidulini GUD Dħalde urpulini* 'для бога Халди пусть будет зарезан (?) козленок, [а также] бык пусть будет принесен в жертву богу Халди'. Эта глагольная форма в урартских текстах встречается довольно часто. Для формы 3-го лица множественного числа повелительного наклонения характерно окончание *-uali*, например: *urpuali* 'пусть будут принесены в жертву'⁷⁶.

Положительные формы повелительного наклонения:

	Действительный залог	Страдательный залог
	Ед. число	
2-е л.	<i>turⁱe, uli</i>	
3-е л.	<i>turⁱnini, manini</i>	<i>urpulini</i>
	Мн. число	
3-е л.	<i>turutineni</i>	<i>urpuali</i>

⁷⁵ А. Гётце (см. RHA, 22, стр. 195—198) считает, что засвидетельствованные в текстах *ineriñitini*, *ħaitini* и *ašħaštini* являются также формами 3-го лица множественного числа повелительного наклонения действительного залога и формативом этой глагольной формы считает не *-tiniⁱ*, а *-tini*, рассматривая в слове *turutineni* последнее *-ni* как объективную частицу 3-го лица единственного числа ('его'), что нам кажется маловероятным, так как объект *turutineni* (*mani*) в нашей надписи отдельным словом следует за ним.

⁷⁶ А. Goetze, — RHA, 24, S. 269—276.

Запретительные формы повелительного наклонения⁷⁷, находящиеся в связи с отрицательной частицей *mei* 'пусть не', засвидетельствованы в 3-м лице единственного и множественного числа.

В 3-м лице единственного числа глагольная форма характеризуется окончанием *-diani*, при присоединении которого, как правило, происходит выпадение конечного гласного основы *u*. Так: *šepuiardiani* (от *šepuiarudiani*), *kuldiani* (от *kuludiani*)⁷⁸, *haidiani* (от *haidu-diani*). Если в основе перед показателем переходности *-u* имеется *d*, то происходит потеря показателя переходности *-u* и обоих *d* (находящихся в конце основы и в начале суффикса), например: *lakuiani* (< *lakududiani*).

В 3-м лице множественного числа отрицательная частица требует глагольной формы, идентичной форме 3-го лица множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения переходных глаголов *kulituni* (от *kulu* 'оставлять', 'покидать' и т. д.), пример: *D^haldiše D^{IM}-še D^{UTU}-niše DINGIR^{MEŠ}-še mei tini mei armuzi mei zilbi quraidi kuletuni* 'пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, [все] боги не оставят на земле ни [его] имя, ни [его] семью, ни [его] потомство'.

Сослагательно-желательное будущее (оптатив)⁷⁹

Для определения данной глагольной формы опорным пунктом является одно выражение из надписи: *ali meše... ¹diauħinidi terubi MU. MU-ni ārdilani* '[вот] каковую дань... я на [страну] Диаухи наложил, чтобы [она] ее давала ежегодно' (следует перечисление объектов дани и их количества). *ardilani* является формой именно сослагательно-желательного будущего времени (оптатив) 3-го лица единственного числа действительного залога. Эта форма, как мы видим, образуется посредством суффикса *-ilani*, при присоединении которого к основе показатель переходности *-u* выпадает: *ardu-ilani* > *ardilani*. Такие же формы, очевидно: *hailani* (от *haidu-ilani* > *hai-ilani* > *hailani*); *zirbilani* (от *zirbu-ilani*); вероятно, этой же формой, снабженной в конце объективной частицей 3-го

⁷⁷ A. Goetze, — RHA, 22, S. 188—192.

⁷⁸ Но в Келяшинской билингве мы имеем *kuludiani*.

⁷⁹ A. Goetze, — RHA, 24, S. 276—282.

лица единственного числа *-ni*, являются такие формы, как *terdilanini*, *absilanini*.

3-е лицо множественного числа этой же формы образуется, по-видимому, суффиксом *-ilatini*⁸⁰, который при присоединении к основе также устраняет показатель переходных глаголов *u*, например: *uṣidilatini*, *absilatini*.

3-е лицо множественного числа сослагательно-желательного будущего страдательного залога оканчивалось, по-видимому, на *-i'ali* (перед ним также происходит выпадение признака переходности *-u*), например: VI *UDU. MÁŠ.TUR^D ḥalde nipsidi'ali* 'чтобы были зарезаны шесть козлят для бога Халди (богу Халди)'.⁸¹

Сослагательное прошедшего времени (?)

Формы 3-го лица множественного числа действительного залога сослагательного прошедшего времени, по-видимому, оканчивались на *-alani*, при присоединении которого к основе признак переходных глаголов *-u* выпадал, например: *ḥaialani* (от *ḥaiu-alani*): *É murili ali LÚAD-še LÚAD. AD-še zaduali anie kui kulme manidu iu aišei LUGÁLMÉŠ-še ḥaialani* 'Потаенные склады (?), которые создали отец и дед и где богатство (?) было [собрано], чтобы никогда цари [Урарту] его не захватывали'. Очевидно, такой же формой является засвидетельствованное в надписях *paralani* (от *paru-alani*)⁸¹.

Причастие страдательного залога

В урартском языке, по всей вероятности, это причастие образуется суффиксом *ai/ae*, который присоединяется к основе, лишенной показателей переходных или непереходных глаголов. Так, от *teru* 'ставить' мы имеем *tera'i/e* (в написании: *teragi*, *teraie*; мн. число *terajinili*). В Келяшинской билингве

⁸⁰ Ср. в формах повелительного наклонения действительного залога 3-е лицо единственного числа *turinini* и 3-е лицо множественного числа *turutinini*. И здесь *t* выступает как показатель множественности.

⁸¹ А. Гётце эти формы рассматривает как 3-е лицо множественного числа той же формы, 3-м лицом единственного числа которой являются формы на *-ilani*: *ardilani* и др. (см. выше в формах сослагательно-желательного будущего).

terainili 'поставленные' соответствует ассирийскому *šaknâte*, имеющему такое же значение.

Таким же образом от непереходного глагола *durba* 'восставать' — *durbaie* (= *durbae*) 'восставший': *NN durbae manu* 'NN был восставший' (= 'NN был мятежником', 'NN восстал').

Возможно, таким же причастием является *ardae* (*ardaie*) от глагола *ardu* 'давать', 'преподносить'.

Так же, как нам кажется, причастиями являются формы на *-ie*, например: *urpue* 'пожертвованный', 'жертва', или: *šedue* 'выходящий' (?), 'вытекающий' (?) (от *šedu*, распространенный посредством *d* основы *šiu* 'уводить', 'уносить' и т. д.; ср. *aru* и *ardu* и т. д.).

Имя действия

Основа переходного глагола, лишенная показателя переходности *-u*, иногда принимает окончание *ⁱ/edⁱ/e* (*idi*, *ide*, *ede*), которое, очевидно, находится в связи с суффиксом направительного падежа *-^e/di*. По мнению И. Фридриха⁸², это форма неопределенного наклонения, например: *arⁱ/ede* (от *aru* 'давать'): *mešini pi 'aldubi meše ^{ID}sardure arede* 'поощади я [его] под условием [выплаты] дани, чтобы давать дань [царю] Сардури' (ср. *meše ^{ID}sardure aride*).

Как нам кажется, форму *arⁱ/ede* можно считать формой направительного падежа от отглагольного имени *ari* (*ari* + *ⁱ/edⁱ/e*). Тогда одним из способов образования отглагольного имени в урартском языке, точнее «масдара» (имени действия), будет присоединение *-i* к основе переходного глагола, лишенной показателя переходности *-u*.

Неправильный глагол *manu* 'быть', 'существовать'

В 3-м лице единственного числа прошедшего времени встречаются две формы этого глагола («быть»): *manu* и *manuri*; вторая из них употребляется лишь в предложениях с отрицанием *ui* (ср. выше, в разделе о формах на *-ri*). Так, *ue ainiei LÜEN.NAM^{MEŠ} šukuri manuri* 'никто [из] правителей областей не был призван'; *ui gici ištini manuri* 'ничего там не было'.

⁸² J. Friedrich, *Einführung...*, S. 8.

В 3-м лице множественного числа мы имеем *manuli* 'были', например: *1 D sarduriše ale ħaubi -III É. GAL^{MEŠ} agununili manuli gunuša ħaubi* 'Сардури говорит: «Завоевал я три крепости, [которые] были укреплены, я [их] в бою завоевал»'.

Из других форм глагола *manu* известны: 3-е лицо единственного числа будущего времени *manule*, 3-е лицо единственного числа повелительного наклонения *manini*. Для запретительной формы повелительного наклонения в 3-м лице единственного числа с отрицанием *me(i)* 'пусть не' характерна форма: *manini: me kui tini manuni* или *mei absi bauše bidi manuni*. Засвидетельствованное в текстах *manuše*, вероятно, является абстрактным именем, образованным подобно *aruše* (от *aru* 'давать').

О значении других форм глагола *manu*, например *manidu*, трудно что-нибудь сказать.

Формы на *-lalani*

Окончание *-lalani*, присоединяющееся к основе переходных глаголов, образует, по-видимому, 3-е лицо единственного числа формы, соответствующей грузинскому так называемому результативному действительного залога, например: *ali ue aiše ainiei qabqasulalani* '[город X.], которым никогда никто не овладевал (?)'. Такая же форма, примерно с таким же значением — *aršulalani*.

В урартском эпиграфическом материале можно проследить еще некоторые другие глагольные формы, о значении которых трудно сказать что-нибудь определенное. Так, прослеживается форма с окончанием *-ilini*: *qabqarilini* (для выделения окончания в этом слове ср. *qabqarulini, qabqarulubi*). Или же форма на *-u (di)*: *ulħudi*. В этом окончании мы, по всей вероятности, имеем показатель переходности вместе с окончанием 1-го лица единственного числа непереходных глаголов.

НАРЕЧИЯ

В эпиграфическом материале засвидетельствованы: наречия образа действия: *šišuħani* 'вновь' (?); наречия времени: *iu* 'когда', *aše* 'когда', *a(i)šei* 'когда-нибудь'; *mei a(i)šei* 'никогда', *absiei* 'прежде' (?); *ini edini, ikukani edini, inukani edin(i)* 'затем', 'впоследствии', 'потом' (?); наречия места: *auie* 'где', *auiei* 'где-нибудь', 'куда-нибудь', *ištini*

'там', *ištini* 'оттуда', *edia* 'там', *edini* 'оттуда'; наречия меры и количества: *tarani* 'во второй раз' (?), *šišini* 'в третий раз' (?), образованные от порядковых числительных.

ПОСЛЕЛОГИ

-šⁱe (в написании: *-ši*, *-sie*) 'в'. Этот послелог ставит слово в местном падеже, например: *šuhinaše*, *ebaniaši*, *KUR* *hatināše*⁸³.

-ka(i) 'перед' — присоединяется иногда к неоформленному падежу, иногда же к именительному, например: *Imenuakai* *Dħaldikai*, *Iargištikai*, *ID* *sardurikai* (неоформ. пад.), но рядом с ним: *pulusinikai*, *URU* *tumeiškinikai* (им. пад.). К послелогу *-ka(i)* иногда присоединяется суффикс творительного падежа *-ni* (в значении 'из') и получаем: *-kaini* 'спереди', например: *GIŠ* *šurginikaini*, *KUR* *artarapšaka(i)ni*: *DUTU* *kaini*; *URU* *aħiunikaini*.

Послелог *-ka(i)(ni)* встречается и в роли предлога (см. ниже). Названия стран, городов (населенных пунктов), имеющие флексию множественного числа, при получении суффикса *-kai* ставятся в местном падеже, например, из *Irusahinili* *Irusahinakai*.

-pi 'под', 'под условием' (?) — требует неоформленного падежа: *Imenuapi* 'под Менуа', или именительного падежа: *al-dubi mešini pi(ei)* 'пощадил я [его] под условием [выплаты] дани'. К послелогу *-pi* также может быть присоединена частица *-ni* 'из' — *pi(ei)n iše* означает 'из-под', например: *turinini Dħaldiše mani DUTU* *pie:ni* 'пусть уничтожит бог Халди его из-под солнца (т. е. с лица земли)'. Послелог *-pi(ei)ni* требует постановки слова в творительном падеже: *ši-ū-i-ni-ni pi-e-ni* 'из-под солнца'.

-ištine (ištiniē) 'к', 'для' — требует местного падежа, например: *Dħaldia ištine* 'для бога Халди'; *KUR* *Retiunia ištine* 'к стране Этиуни'.

-edia 'к', 'в направлении (такой-то страны, города)' — требует постановки слова в форме родительного-дательного падежа множественного числа, например: *uštadi KUR* *Ruburdaē* (*<KUR* *Ruburda-ae*) *edia* 'выступил я [в поход] к стране Убур-

⁸³ И Фридрих считает формой данного послелога *-aše* (J. Friedrich, *Einführung...*, S. 14), но, по нашему мнению, начальное *a* во всех случаях принадежит к слову, с которым соединяется этот послелог, и является признаком местного падежа.

да'; *uštadi...* *KURarḥaie* (<*KURarḥi-ae*) *edia* 'выступил я [в поход] к стране Архи'.

-*edini* 'из', 'от', 'из-за', 'ради'— требует творительного падежа: *LUGĀL KURuelikuḫi...* *KUR-nedini tamḫubi* 'царя страны Уеликухи... я из [его] страны удалил'; *Dḫalde EN ŠŪ ini aše Irušaše Ierimenahiniše uštuni ulgušianedini* 'богу Халди, своему владыке, этот щит Руса, сын Эримена, посвятил ради [его] жизни'. Соединяясь с указательными местоимениями *ini*, *inukani*, *ikukani edini* образует наречия времени (см. выше).

edini и *edia* употребляются и самостоятельно, как наречия места: *edia* в значении 'там', (например: *LŪEN. NAM edia terubi* 'правителя области я там поставил'; *edini* в значении 'оттуда', например: *Iḫahani LUGĀL KURḫušalḫi LŪUKŪ-rani edini tašmubi parubi ersidubi KURebaniuke* 'Хахани, царя страны Хушалхи, [вместе с его] народом я оттуда вырвал, увел [и] поселил в моей стране'.

ПРЕДЛОГИ

Наряду с послелогами в урартском языке, возможно, имелись и предлоги⁸⁴. Так, *-ka(i)* 'перед', употребляющийся как послелог, иногда употребляется и как предлог, имеющий такое же значение. В роли предлога *ka(i)* выступает при соединении с притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа *iki* 'мой': *kaiuk¹/e* или *kaḫki* 'передо мной'. По-видимому, тот же предлог в форме *kani* (ср. послелог *-kaini*), встречается в одной из надписей: *kani URUṭušpa* 'перед городом Тушпа'.

Предлогом является также, по всей вероятности, *par¹/e* (в написании: *pari*, *parie*) 'до'. Как правило, *pari* требует постановки слова в дательном падеже, например: *kuṭeadi pari URUuiḫika URUbuštue* 'дошел я до города Уихика, [до] страны Бушту'; *kuṭeadi pari KURišqigulue* 'дошел я до страны Ишкигулу'. Но иногда этот предлог ставит слово в местном падеже: *pari alzina*; *kuṭeadi pari KURbaruatainia*. В некоторых случаях слова, находящиеся в связи с *pari*, стоят (во всяком случае в письме) в неоформленном или в именительном падеже, например: *pari KURišqigulu*; *kuṭubi pari URUištikuniu*; *kuṭubi pari KURurṭehini*.

⁸⁴ Из-за ограниченности материала, а также неясности значения некоторых приводимых слов, существование предлогов в урартском языке все еще нельзя считать вполне доказанным.

e'a (*eia*, в результате метатезы: *eai* 'и', 'также', 'а также', 'как'; *e'a... e'a* (*eai... eai*) 'и ...и', 'или ...или', 'будь то ...будь то', 'как ...так'. Примеры: *ini É Imenuaše Išpuiniḫiniše šidištuni baduse e'a É. GAL šidištuni* 'этот дом Менуа, сын Ишпуини, построил величественный (?), а также дворец (крепость?) построил'; *turutineni mani e'a zilibi quranedini* 'пусть уничтожат [боги] его [самого] и [его] семья на земле'; *eaiKUR biainiše eaiKURLuluiniše* 'будь то биаец' или лулуец (житель вражеской страны)'; *LŪZABMES e'a PIT.ĤAL. LUMESŠ-ei e'a LŪZAB.GĪR I I MESŠ-ei* '[столько-то] воинов, как всадников, так и пеших воинов'.

šuki 'как' (?)⁸⁵: *šuki Dḫaldiše ubarduduni ieše šidištubi* 'как (?) бог Халди приказал, [так и] я построил'.

mei — отрицательная запретительная частица употребляется также в значении союза 'но': *inani LUGĀL-e nunabi mei ali LŪA.SIMESŠ-še irbitu šeri partu iu KUR-ni ašulabi* '[все] это досталось царю, но что воины забрали, отдельно они унесли, когда [завоеванную] страну я оставлял'.

ЧАСТИЦЫ

u'/_e (в написании: *ui*, *uie*) 'не'⁸⁶: *ui giei ištini šidauri* 'ничего не было там построено'; *ui aini ištini aiuri* 'никто там не находился'; *ui PA₅ ištini agauri* 'канал там не был проведен'; *ali ue (uie) aiše ainiei qabqāšulalani* '[Город X.], которым никогда никто не владел'.

me(i) (в письме: *mei*, *me*) — запретительная отрицательная частица 'пусть не': *mei ini É.GAL kuldiani* 'пусть [он] не забросит эту крепость'.

ku'/_e — усилительная частица 'же', 'даже' и союзы 'также', 'а также': *me kui Dḫaldiše zilbe quraedi kuludiani* 'пусть бог Халди не оставит на земле даже [его] семени'; *Išpuiniše IDsarduriḫiniše Imenuaše Išpuiniḫiniše GIŠulde šuḫe teruni Dḫalde kue GIŠzari šuḫe teruni* 'Ишпуини, сын Сардури, [и] Менуа, сын Ишпуини, повелели устройство (?) виноградника; богу Халди [для бога Халди] также устройство (?) сада они повелели'.

⁸⁵ И. И. Мещанинов, *Язык Ванской клинописи*, II, стр. 145 и др.

⁸⁶ A. Goetze, — RHA, 22, S. 185—188.

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

В урартском языке, как было уже отмечено, огромную роль играет различие между переходными и непереходными глаголами, что выражается в эргативной конструкции. Если сказуемым является переходный глагол, то его субъект, подлежащее, ставится в эргативном падеже, а дополнение — в неоформленном или именительном падеже. Наоборот, если сказуемое — непереходный глагол, то подлежащее ставится в именительном или неоформленном падеже.

Как правило, при переходном глаголе его субъект стоит впереди глагола, подлежащее предшествует сказуемому, притом обычно не непосредственно, а между ними ставится дополнение, например: *Imenuaše ini pili aguni* 'Менуа этот канал провел'. При непереходных глаголах, наоборот, сказуемое предшествует подлежащему: *uštabi Imenuani Išpuinehi* 'выступил [в поход] Менуа, сын Ишпуини'. Но имеются и исключения из этих правил, например, при переходных глаголах встречаются фразы вроде: *URUluhiunini... aruni Dħaldiše Imenua* 'Лухиуни... дал бог Халди Менуа'; *turinini Dħaldiše DIMše DUTU-še DINGIRMEŠ-še mani* 'пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, [все] боги его'. Или же при непереходных глаголах: *Dħaldini uštabi* 'бог Халди выступил [в поход]'.

Обычно определяемое слово в урартском предложении следует за определением: *Imenuai pili* 'канал [царя] Менуа'; *Dħaldinili šištili* 'ворота бога Халди'; *inili ebanili* 'эти страны'; *i-ni DUB-te* 'эта надпись' и т. д.

Но имеются случаи и обратного порядка, например, многократно засвидетельствованы: *URU LUGĀL-nusi* 'город царский'; *Ē GAL baduse* 'крепость величественная (?)'; *LUGĀL tarae* 'царь могущественный'; *LUGĀL al(a)suine* 'царь великий'; *LUGĀL KURšurame* 'царь вселенной'; *LŪueli šusine* 'одним отрядом'; *ŠADubabania kurune* 'в могучих горах' и т. д.

В редких случаях определение следует за определяемым, когда определением выступают указательные местоимения, например *DUB-te ini*, *Ē ini*.

Определения (имена прилагательные), как правило, согласуются с определяемым словом в падеже и числе.

Примеры согласования в единственном числе: *Dħaldine DUB-te* (неоформ. пад.) 'надпись бога Халди', 'халдовская надпись'; *Imenuaše Išpuinihiniše* (эргат. пад.) 'Менуа, сын Ишпуини'; *Imenua-i-ni-e-i* (*Imenuaine*) *SALsi-la-a-i-e* (*SALsilae*) 'дочери [царя] Менуа'; *Išpuine IDsardurehine* (дат. пад.) 'Иш-

пуини, сыну Сардури'; *Dħaldinini ušmašini* (твор. пад.) 'м ощью бога Халди'.

Вот согласование во множественном числе: *Dħaldinili šeštīli* (неоформ. пад.) 'ворота бога Халди', 'халдовские ворота'; *IDsardurinili kurili* (неоформ. пад.) 'ноги (?) [царя] Сардури', 'сардуровские ноги'; *Dħaldinaue KĀ* (дат. пад.) 'воротам бога Халди'; *Dħaldinani KĀ* (твор. пад.) 'от ворот бога Халди'; *KUR.KURMEŠ-di šuiāidi* (напр. пад.) 'на вражеские страны'; *DINGIRMEŠ-ašte KURbiāinašte* (напр. пад.) 'к богам страны Бианили'; *Dħaldina KA* (местн. пад.) 'в воротах бога Халди' и т. д.

Но в виде исключения имеются случаи, когда определение и определяемое стоят в разных падежах и требуемое падежное окончание получает один из них, например: *šusine* (дат. пад.) *uštīptini* (втор. пад.) 'одним походом'; *ŠADUbabania* (местн. пад. ед. числа) *kurune* (дат. пад. ед. числа) 'в могучих горах' и т. д.

Встречаются и случаи, когда определение и определяемое не согласованы в числе, например: *Dħaldinaue* (род. пад. мн. ч.) *KĀ-i-e-i* (род. пад. ед. ч.) или *KURLuluinani KUR-nini*.

С отмеченным выше правилом согласования в падеже определения с определяемым словом связано весьма распространенное в урартском языке явление двоякого выражения отношения принадлежности: 1) родительным падежом и 2) суффиксом принадлежности *-ini*. К этим двум способам выражения отношения принадлежности урартский язык прибегает в зависимости от падежа определяемого слова. Если определяемое слово стоит в неоформленном падеже единственного числа, принадлежность выражается родительным падежом, в других же случаях — преимущественно суффиксом *-ini*. Примеры: *Dħaldi-i patari*, но *Dħaldi-(i)ni-li šeštīli*; *Imenua-i pili*, но *Imenua-ini-ei SALsilaie*.

По правилу согласования, у определения, стоящего в родительном падеже принадлежности, должно было появиться окончание, характеризующее падеж определяемого слова. Во избежание такого наслоения двух падежных окончаний на основе слова и происходит образование определения при помощи суффикса *-ini* и согласование его вслед за тем в падеже с определяемым словом. Если же определяемое слово стоит в неоформленном падеже единственного числа, характеризующимся отсутствием суффикса, то при согласовании с ним наслоение падежных окончаний не происходит, и вследствие этого в определении отношение принадлежности выражается родительным падежом.

Очень распространено в урартском языке употребление бессоюзного сложного предложения, например: *'menuaše 'ispuiniḫiniše ini susi šidištuni Dḫaldinili KĀ-li šidištuali i-ni É.GAL šidištuni baduse* 'Менуа, сын Ишпуини, это *susi* построил, [а также] Халдовские ворота построил [и] величественную (?) крепость построил'. Или: *'irusaše 'IDsarduriḫiniše ali LUGAL KURuelikuḫi karubi ERUM aštubi KURnedini tamḫubi LUEN.NAM edia terubi* 'Руса, сын Сардури, говорит: «Царя страны Уеликухи я победил [и] поработил, из [его] страны я [его] увел [и] там правителя области поставил»' и т. д.

Не менее часто встречается тип именного предложения, когда опускается форма глагола «быть», например: *'menuai pili tini* '«канал Менуа» [есть] имя [его]'; *SALTariri-aḫinili tini* '«Таририахинили» [есть] имя [его]'; *ANŠU.KUR.RA aršibini tini* '«конь» — имя [которого есть] Арцибини'; *Dḫaldini kuruni Dḫaldini GIŠšuri kuruni* 'бог Халди [есть] могучий, оружие (?) бога Халди [есть] могучее'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЦЫ УРАРТСКИХ НАДПИСЕЙ

(в транскрипции)

Строительная надпись урартского царя Ишпуини из Оскебака
(близ Вана) (УКН, № 13)

1 *l iš-pu-ú-i-ni-i-še* *l* *Dsar₅-du-ú-ri-e-ḫi-ni-e-še* *i-ni* *É-e za-a-du-ú-ni*.

Перевод

Ишпуни, сын Сардури, этот дом построил.

Надпись урартского царя Менуа о проведении канала
из Ардамеда (УКН, № 44)

Dḫal-di-ni-ni uš-m[a-ši]-ni *l* *m[e]-n[u]-'a'-[še]* *l* *iš-pu-u-i-ni-[ḫi]-ni-še*
i-ni *[p]i-i-[l]i a-[gu]-ni* *l* *me-nu-a-i pi-i-li ti-i-ni* *Dḫal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni*
l *me-nu-a-ni LUGÁL DAN.[NU] LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL KURbi-i-a-i-[n]*
a-e a-lu-si URUtu-uš-pa-a-e URU *l* *me-nu-a-še a-li-e a-lu-še i-ni DUB*
te tú-li-i-e a-lu-še pi-tú-li-e [a]-lu-še a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-e a-lu-še
ú-li-še *ti-i-ú-li-e i-e-še i-ni* *pi-i-li a-gu-bi [t]ú-ri-ni-ni* *Dḫal-di-še-*
DĪM-še *D[U]TU-še* *DINGIRMEŠ-še* *ma-a-ni DUTU-ni pi-e-i-ni*

Перевод

Могуществом бога Халди Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел.
«Канал Менуа» — имя [его].

Величием бога Халди Менуа, царь могущественный, царь великий, царь
страны Бианили, правитель Тушпа-города.

Менуа говорит: «Кто эту надпись уничтожит, кто [ее] разобьет, кто
кого-нибудь заставит совершить эти [дела], кто другой скажет: „Я этот
канал провел“, пусть уничтожат бога Халди, Тейшеба, Шивини, [все] боги
его под солнцем...»

Культовая надпись урартского царя Менуа
из Вана (УКН, № 93)

Dḫal-di-i-e e-ú-ri-i-e *l* *me-nu-a-še* *l* *iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še* *i-ni* *NA₄pu-*
lu-si ku-gu-ú-ni ma-a-ni-ni *Dḫal-di-ni bi-e-di-ni* *l* *me-nu-a* *l* *iš-pu-ú-i-ni-*

Перевод

Богу Халди, владыке, Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвиг (?). Да будет со стороны бога Халди Менуа, сыну Ишпуини, [и] Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие...

Отрывок из летописи урартского царя Сардури II (УКН, 155, Е, стк. 19—24)

*IDsar₃-du-ri-še a-li-e i-ku-ka-ni šá-a-li-¹e¹ ši-iš-ti-ni uš-ta-a-di KURe-ri-
a-ḫi-ni-e-d[i][KUR]e-ba-ni ḫa-ú-bi URUMEŠ GIBÍL-bi ḫar-ḫar-šú-ú-[bi]
KURe-bā-ni a-tú-ú-bi 'a-še SALtu-túMEŠ pa-ru-[bi]KURbi-a-na-i-di
É.GALMEŠiš-ti-ni ši-di-iš-tú-[bi]KURe-ba-ni KURe-ba-ni-ú-ki-e-di a-bi-li-
du-b[i]*

Перевод

Сардури говорит: «В том же году в третий раз (?) выступил я [в поход] на страну Эриахи. Страну я завоевал, города сжег [и] разрушил, страну разорил, мужчин [и] женщин угнал я в страну Бианили. Крепости я там построил. Страну к моей стране присоединил».

УРАРТСКАЯ ЛЕКСИКА *

aba- 'желать' (?), 'хотеть' (?).

abilidu- 'присоединять', 'прибавлять'.

ada[] 'снова'.

agu- 'проводить (канал)', 'уводить (пленных)'.

agununi 'укрепленный'.

aia- 'находиться' (?), — ср. *aie*.

aie 'местонахождение' (?), 'резиденция' (?), — ср. *aia*.

a(i)ni(ei) 'кто-нибудь'.

a(i)še(i) 'когда-нибудь', 'всегда'.

aisti- 'прыгнуть'.

akuki — какое-то указательное местоимение.

'al(a)^d/ti 'позаботиться' (?), 'облагодетельствовать' (?), 'беречь' (?), 'щадить' (?) и т. д.

al(a)s(u)inⁱ/e 'великий'.

a-la-ú(?)-e(?) 'господин' (?).

at^e/i '(он) говорит'.

ŠADUalgaⁿi 'гора' (?).

* Ниже приводятся те урартские слова, значение которых более или менее известно.

- ali* — относительное местоимение 'который'; также в значении: 'что', [вот] 'какой', 'каковой'.
- aliki, alike* 'некоторый'; *aliki ...aliki* 'некоторые ...некоторые'.
- alipi, ali ...alipi* — по-видимому, значит то же, что *aliki ...aliki* (см. *aliki*) 'некоторые ...некоторые', 'одни ...другие'.
- alsu(i)še* 'величие' — ср. *al(a)s(u)ln |e*.
- alukⁱ|e* — относительное местоимение.
- alusⁱ|e* 'правитель', 'господин'.
- aluše* — относительное местоимение в эргативном падеже 'кто', 'который'.
- amaštu-* 'сжечь'.
- a(n)dani* 'область' (?).
- ani* [] — начало наименования одной из урартских мер ёмкости.
- aniarduni* 'независимый' (?).
- aptini* 'сторона'.
- aqarqi* — название одной из урартских мер ёмкости жидких тел.
- ar(a)ni* 'милость'.
- ardale* 'приношение' (?); от *ardu-* (распространенная с *d-* основа *aru-* 'давать') (?).
- ardiše* 'сила', 'власть', 'повеление', 'приказ'.
- ardu-* 'давать' — распространенная с *d* основа *ar(u)* — 'давать' (см.); ср. также: *ardale*.
- ari* — отглагольное имя от *aru-* 'давать' (см.).
- 'ari* 'зернохранилище'.
- armuzi* 'семья' (?).
- arnuše* 'деяние', 'подвиг', 'создание' (в последнем значении чередуется с *bauše* — см.).
- arnuia-* 'приходить на помощь'.
- arše* 'дитя', 'отрок'.
- aršu-* 'овладеть' (?).
- aršibi* 'орел'.
- aru-* 'давать', 'даровать', 'преподносить'.
- aruše* 'милость', 'благодеяние'; ср. *aru-* 'давать'.
- ašuni* 'праздник' (?).
- aše* 'когда'.
- aše* 'щит'.
- (LŪ), *aše* 'мужчина'.
- ašgu-* 'захватывать'.
- ašhu-* 'выполнять' (?), 'исполнять' (?), 'устранять' (?), 'совершать' (?).
- ašta-* 'направляться' (?), ср. *ašⁱ/au-*.
- ašⁱ/au-* 'превращать', 'предназначать' (?), 'определять' (?), — ср. *ašta-*.
- ašu-* 'оставлять' (?), 'покидать' (?), 'отгладкивать' (?), 'преследовать' (?);
- atihu-* по-видимому, синоним или близко стоящий по своему значению к *šⁱ-dištu-* 'строить'.
- atibi* 'десять тысяч'.
- atqana* 'жертвоприношение'.
- atqanadu-* 'совершать жертвоприношение', 'пожертвовать', 'посвящать'.
- ātu-* 'есть', 'разорять'.
- LŪ *auera ši* 'военачальник' (?), 'полководец' (?).
- auel* 'где-нибудь' (?), 'куда-нибудь' (?).
- baba* 'гора'.
- badgulu-* 'окружать' (?).
- badusⁱ|e* 'величественный' (?), 'великолепный' (?).
- bauše* 'слово', 'приказ', 'повеление', 'вещь', 'предмет'.

bⁱ/e^d/e 'обращенный' (?), 'возвращенный' (?), 'возвратившийся' (?), 'обратный' (?), 'сторона' (?), 'берег' (?).

bidia- 'повернуться', 'поворачиваться'.

bⁱ/e^dini 'со стороны'.

bidu- 'вернуть', 'возвратить', — ср. *bⁱ/e^d/e*, *bidia*, *biduiaše*.

biduiaše 'по возвращении', — ср. *bidia*-, *bidu*-, *bⁱ/e^d/e*.

(LŪ)*bura* 'раб', 'слуга'.

burgana 'крепость' (?), 'подкрепление' (?), 'войско' (?).

(ĪD)*dainal^a/itini* — название какой-то категории рек.

didguši 'стадо' (?).

[*dⁱ/e^rasia-* 'бояться'.

du- 'сделать', 'заставить сделать'.

durba- 'восставать' (?), — ср. *durbaie*.

durbaie 'восставший' (?), 'мятежник' (?), — ср. *durba-*.

e'a (или *eia > eai*) 'и', 'также', 'а также', 'как'; *e'a (eai) ... e'a (eai)* 'и...и', 'или...или', 'будь то...будь то', 'как...так'.

(KUR)*ebani* 'страна'.

edia 'там', — ср. *edini*.

edinⁱ/e 'оттуда'; также в значении предлогов: 'из', 'от', 'из-за', 'ради'; выражения *ini edini*, *ikukaḥini edini* = 'потом', 'впоследствии', 'вслед за тем', — ср. *edia*.

eguruḥu 'свободный' (?).

eirṣidu- (= *rṣidu-*) 'поселять', 'водворять'.

erida- 'являться' (?).

(LŪ)*ere^e/ili* 'царь'.

esi 'место'.

huri 'господин', 'владыка'.

garini 'крепость' (?).

gazuli 'прекрасный', 'отличный', 'хороший'.

gie (= *ge?*) 'кладовая для вина' (?).

giei (редко *gie*, *gi*) — неопределенное местоимение 'что-нибудь'.

gunuše 'битва', 'бой', 'война', 'сражение'.

gunuṣini 'военный' ('человек (LŪ) = 'воин'), 'боевая (колесница)', 'боевое (оружие)', — ср. *gunuše*.

ḥaiu- 'захватывать', 'завоевывать', 'похищать', 'уносить', 'уводить'.

ḥalulⁱ/e 'церемонии' (?), 'ритуалы' (?).

ḥarari 'благополучие' (?), 'мир' (?).

ḥare 'дорога', 'поход'.

ḥarḥaršu- 'разрушать'.

ḥašia- 'прислушаться', — ср. *ḥašu-*.

ḥašu- 'слышать', 'слушать'.

ḥini 'сын' (?).

ḥu- (от *ḥaiu-* ?) 'похищать' (?), 'уводить' (?), 'уносить' (?), — ср. *ḥaiu-*.

ḥubi 'долина' (?).

(LŪ)*ḥuradi* 'воин', 'войско'.

huriṣi 'ороситель' (?), 'оросительный' (?).

ḥušu- 'бросать', 'выбрасывать'.

ḥutia- 'взмолился' (?).

ḥututuḥi — ср. имя божества *Dḥuṣuini*.

īarani — вид культового сооружения.

ibirani 'целиком' (?), 'полностью'.

ieše 'я' — личное местоимение 1-го лица единственного числа в эргативном падеже.

- ikukahini* 'тот' ('та', 'то'), 'тот самый'.
ikukanⁱ/e 'тот самый', 'тот' ('та', 'то').
ina — по-видимому, форма местного падежа указательного местоимения *ini* 'этот' = 'в этом' ('в этой', 'в это'), а также 'тут', 'здесь'.
inahini 'таковой', 'такой', 'этот'.
inani 'с этой (стороны)', 'отсюда'.
inani 'таковой', 'такой', 'этот', 'это'.
ini 'этот', 'это'.
inukahini 'такой', 'таковой', 'этот', 'это'.
inuki 'этот (самый)', 'это (самое)', 'такой' (?).
inusi(ni) 'такой', 'таковой', — ср. *ini*.
iphari — ср. *iphu-*.
iphu- 'разбивать', 'сломать'.
iptu- 'скрывать' (?), 'утаивать' (?).
irbu- 'забирать', 'захватывать'.
(LŪ)irdi 'наместник (царя)'.
iridu- 'изменять (место)'.
iši 'арык' (?).
išani 'с той (стороны)', 'оттуда'.
išpuīše 'счастье' (?), — ср. *išpulu-*, а также имя *Išpuini*.
išpuiu- 'осчастливить' (?), 'облагодетельствовать' (?), — ср. *išpuīše* 'счастье' (?), а также имя *Išpuini* 'счастливый' (?).
išti- 'выступать', 'отправляться'.
ištine — послелог в значении предлогов 'к', 'для'.
ištini 'там', — ср. *ištini*, *ištine*.
ištini 'оттуда', — ср. *ištini*, *ištine*.
iu 'когда'.
izidu- 'повелевать' (?), — ср. *iziduše*.
iziduše 'повеление' (?), — ср. *izidu-*.
-ka(i)(ni) 'перед'.
ka(i)ukⁱ/e 'передо мной', — см. *ka(i)* 'перед' и *uki* 'мой'.
kani 'перед' (?), — ср. *ka(i)(ni)*, *ka(i)ukⁱ/e*.
kapi — мера сыпучих тел, — ср. древнеперсидскую меру сыпучих и жидких тел *καπίθη* (Хеп., Апаб., I, 5, 6) = 2, 3 л.
karu- 'победить', 'побороть'.
kⁱ/edanu- 'посылать', 'отправлять'.
kiri 'чаша'.
kubuše 'шлем' (заимствованное из аккадского языка слово (?) ср. аккадск. *kubšu* 'шапка' и т. д.).
kuⁱ/e — усилительная частица 'же', 'даже'; 'также', 'а также'.
kuiu- 'воздвигать' (?).
kulme 'благосостояние' (?), 'богатство' (?).
kulu- 'оставлять', 'покидать', 'отпускать', 'забросить'.
kularši- 'бежать', 'сбежать'.
kuri 'нога' (?).
kurunⁱ/e 'могучий', 'мощный', 'высокий' (о горе).
kušu- 'воздвигать', 'строить'.
kušia- 'продвигаться (к)' (?), 'доходить (до)' (?), — ср. *kušu-*.
kušu- 'продвигаться (к)' (?), 'доходить (до)' (?), — ср. *kušia-*.
lakudu- 'повредить' (?).
KURlulu(inili) 'вражеская (страна)'.
KURLuluniše (= *KURlulu* + *ini* + *še*) 'принадлежащий к вражеской стране', 'житель вражеской страны', 'враг' (в эргативном падеже), — ср. *KURLulu(inili)*.

- SALlutu* женщина (также в собирательном значении: 'женщины').
makuri 'милостиво' (?), 'милостивый' (?).
makulu- 'выпускать (стрелу)'.
mana 'мина' — урартская мера веса; по-видимому, так же как и ассирийская мина, равнялась 505 г.
mani — личное местоимение 3-го лица единственного числа 'он', 'его'.
mankali (мн. число?) — возможно, название какого-то вида масла.
manu- 'быть', 'существовать'.
marini 'укрепление' (?).
masⁱ/e — притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа 'свой'.
me(i) — запретительная отрицательная частица 'пусть не'; употребляется также в значении союза 'но'.
meru- 'зарывать'.
meše 'дазь'.
(ID) muna 'река' (?).
murⁱ/e 'потаенный склад' (?).
muši 'истинный'.
naša- 'приходить', 'восходить (на трон)', — ср. *našu-*.
našu- 'приносить', 'уносить', 'уводить'.
narašia 'усмирение' (?).
narani 'народ', — ср. *paru*.
paru (= *narani* ?) 'народ'.
nikidu- 'орошать' (?).
nipsidu- 'зарезать' (?).
nir(i)bⁱ/e 'скот' (?), 'стадо' (?).
nua- 'становиться' (?), 'сделаться' (?).
nuldu- 'править', 'управлять'.
nuna- 'прийти', 'приходить'.
(GLD) paḥⁱ/anⁱ/e 'бык', 'крупный рогатый скот'.
parⁱ/e — предлог 'до', 'к'.
paru- 'угнать', 'увести'.
patarⁱ/e 'город'.
piⁱ/e 'канал'.
pⁱ/e 'под', — ср. *pⁱ/enⁱ/e*.
pⁱ/enⁱ/e 'из-под' — ср. *pⁱ/e*.
pišuše 'радость'.
pišušini 'радостный'.
pitu- 'разбить', 'уничтожить'.
NA₁ pulusⁱ/e 'стела (с надписью)', 'надпись' (в значении «памятник»).
qabqaru- 'овладеть' (?), 'завладеть', — ср. *qabqašu-*.
qabqašu- 'овладевать' (?), — ср. *qabqaru-*.
(A₃) qarbiⁱ/e 'скала' (?).
qarmeḫi 'празднество' (?).
qarqarani 'панцирь'.
qi(u)ra 'земля'.
quldinⁱ/e 'пустынный' (?).
salzi 'крутой' (?).
LÚsie (se?) 'пастырь'.
SALsila 'дочь'.
silua- 'быть расположенным (хорошо, милостиво к кому-либо)' (?), — ср. *silunini* (?).
silunini 'расположенный' (?), — ср. *silua-* (?).

- suidu-* 'выбрасывать (стрелу со своего места)', 'отбрасывать (войска противника)'.
sulušti- 'пасть ниц'.
susⁱ/e — название какого-то вида культового сооружения.
su^t aqu 'отторгнуть', 'вырывать', 'отрывать', 'удалять', 'устранять'.
-šⁱ'e — послелог 'в'.
širabae 'необитаемый' (?).
šue 'озеро'.
šutnišini 'озерный', '(богатый) озерами' — прилагательное от *šuniše*, абстрактного имени, образованного от простого прилагательного *šuni* 'озерный' (от *šue* 'озеро'), — ср. *šue*.
šali 'год'.
šani 'сосуд'.
šatu- 'брат' (?), — это основное значение, встречается также в значении: 'захватывать', 'обхватывать', 'обнять (ноги)', 'занять (место)' и т. д.
šau^e/i 'правитель' (?).
šeḥⁱ'erⁱ'e 'живой'.
še(i)r(i)du 'отделять', 'выделять', 'скрывать', — ср. *šeri*.
šeštīli (*šištili*?) 'ворота'.
šepuaru- 'портить' (?).
šeri 'отдельно', — ср. *še(i)r(i)du*.
šia- 'идти', 'уходить', 'приходить', — ср. *šiu-*.
šidiš(i)tu- 'построить', 'сооружать'.
šidu- 'строить', 'воздвигать'.
šiedue (= *šedue*?) 'вытекающий' (?), 'выходящий' (?); от *šⁱ/edu* = ? основа *šiu* (?), распространенная с *d*.
šištini 'в третий раз' (?).
šišuḥani 'вновь' (?).
šiu- 'приносить' ('приводить'), 'уносить' ('уводить').
šu- 'устраивать', 'создавать'.
šuḥⁱ/e 'устройство' (?).
šūia- 'вражеский'.
šuni 'весь' (?), 'все' (?).
šuki 'как' (?).
šukuri 'призванный' (?), 'вызванный' (?).
šulⁱ'e 'необработанный' (?).
(GIŠ)šur(g)ⁱ/e(ni) 'оружие' (?).
(KUR)šuri/e 'вселенная', 'мир', 'царство'.
šurišhi 'конюшня' (?).
šusini 'один'.
UDUšuşe 'мелкий рогатый скот'.
tamḥu- 'удалять'.
tanu- 'делать', 'создавать', 'сооружать'.
tara(g)^e/i 'могущественный', 'сильный', 'много'.
taraⁱuḥi = *tara(g)^e/i* (см. ниже).
tar(a)man^a/i,eⁱ — название какого-то сооружения.
tarani 'во второй раз' (?).
targini = *tar(a)g^e/i* 'могущественный', 'могучий' (?).
LÚ taršua(nⁱ/e) 'человек'.
taše 'дар', 'подарок'.
tašmu- 'пленить' (?), — ср. *LÚtašmuše*.
LÚtašmuše 'пленник' (?), — ср. *tašmu-*.

- LŪta-(ū)-tū-ḥl* — сокращенное написание слова *LŪtaršuatūḥi* 'мужество',
 'подвиг'.
tequ- 'повергать'.
tera(g)ʰ/e 'положенный', 'установленный' — форма причастия страдательного
 залога (?) от основы *teru-* (см.) 'класть', 'поставить' и т. д.
terdu- 'класть', 'ставить', 'поставить'; основа *teru-* (см.) (?), распростра-
 ненная *d*.
teru- 'класть', 'поставить', 'установить', 'устроить (сады, виноградники,
 посевы)'.
tiau- 'сказать', 'говорить'.
tini 'имя'.
tua(g)ʰ/e 'чистый' (?).
turu- 'разбивать', 'уничтожать'.
tʰ|erusi — одна из мер ёмкости жидких тел; по всей вероятности, составляла
 одну десятую часть *aqarqi*.
ḫubardu- 'вручать' (?).
ubaraduiā 'повеление' (?), 'приказ' (?), 'желание' (?), — ср. *ubardudu-*
ubaradudu- 'повелевать' (?), 'приказывать' (?), — ср. *ubaraduiā*.
uediadu- 'оскоплять' (?), — ср. *uediā(ni)* 'женщина' и *du-* 'сделать'.
LŪ (или *SAL*) *uediāni* 'женщина'.
LŪueli 'собрание' (?), 'отряд' (?).
uelidu- 'собирать'.
LŪuelisine (от *ueli-usine*?) 'собранный (народ)' (?), 'войско' (?), 'от-
 ряд' (?), — ср. *LŪueli*, *uelidu*.
ui|ue — отрицательная частица.
-uki 'мой'.
ula- 'идти', — ср. *ulu-*.
(GIŠ)ulaʰ/e 'виноградник'.
ulguše 'жизнь'.
ulḫu- 'повелевать' (?), 'приказывать' (?).
ulʰ/e 'другой'.
ANŠUulḫu 'верблюды'.
ulu- 'вести' (?), 'водить' (?), — ср. непереходный глагол *ula-* 'идти'.
uluštia- 'идти во главе' (?), 'предшествовать' (?).
urišḫi 'оружие'.
urišḫusʰ/e 'оружейный', 'дом оружия'.
urpu- 'приносить в жертву', 'жертвовать'.
urpue 'жертва' (?), 'пожертвование' (?).
ušgi 'сила' (?).
ušḫanu- 'жаловать' (?), 'даровать' (?).
ušmaše 'мощь', 'сила', 'могущество'.
ušta- 'выступить (в поход)', 'направиться', 'отправиться', — ср. *uštu-*,
uštipe.
uštipe 'поход', — ср. *ušta-*, *uštu-*.
uštu- 'преподносить', 'дарить', 'посвящать', 'отправить', 'направить', —
 ср. *ušta-*, *uštipe*.
zadu- 'делать', 'совершать', 'создавать', 'строить', — ср. *zaduše*.
zaduše 'совершение' (?), — ср. *zadu-*.
zainua 'высокий', 'верхний'.
(GIŠ)zarʰ/e '(фруктовый) сад'.
zaše 'сила' (?).
zašgu- 'умерщвлять', 'убивать'.

zašili 'сильный', 'могучий', 'многочисленный', — ср. *zašu-*, *zaše*.
zašu- 'усилить', 'укрепить' (?), — ср. *zašili*, *zaše*.
ziel'dⁱ/e — ср. *ziel'du-*.
ziel'du- 'притеснять', 'угнетать'.
zil(i)bⁱ/e 'семья', 'потомство'.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — «Вестник древней истории».
 ИЯ — «Институт языкознания» АН СССР.
 ТИЯМ — «Труды Института языка и мышления».
 УКН — Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока».
 AfO — «Archiv für Orientforschung».
 Arch.Or. — «Archiv Orientalni».
 CICH — «Corpus Inscriptionum Chaldicarum».
 JA — «Journal Asiatique».
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society».
 JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society».
 NH — М. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften Königs Sardurs von Urartu*, — SHAW, — phil.-hist. Klasse 5. Abhandlung, 1928.
 OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung».
 RA — «Revue d'Assyriologie».
 RHA — «Revue Hittite et Asiatique».
 SHAW — «Sitzungsberichte der Heidelb. Akademie der Wissenschaften».
 ZA — «Zeitschrift für Assyriologie».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Письменность	19
О некоторых фонетических явлениях	22
Морфология	28
Имя	28
Словообразование	28
Склонение	30
Местоимения	40
Числительные	44
Глагол	45
Непереходные глаголы	45
Переходные глаголы	47
Повелительное наклонение	53
Сослагательно-желательное будущее (оптатив)	55
Сослагательное прошедшего времени (?)	56
Причастие страдательного залога	56
Имя действия	57
Неправильный глагол <i>manu</i> 'быть', «существовать»	57
Формы на <i>-lalani</i>	58
Наречия	58
Послелogi	59
Предлоги	60
Союзы	61
Частицы	61
О некоторых синтаксических явлениях	62
Приложение	65
Образцы урартских надписей	65
Урартская лексика	66
Сокращения	73

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
11	10 СВ.	<i>-a -a za</i>	<i>za -a -a</i>
13	14 "	<i>man (u),</i> <i>mann</i>	<i>man (n),</i> <i>manu</i>
33	17 "	<i>ušanuni</i>	<i>ušanuni</i>
"	22 "	<i>šadištuni</i>	<i>šidištuni</i>
"	25 "	<i>DUTU-se</i>	<i>DUTU-še</i>
35	16 "	<i>LÚ</i> <i>hurkinaue</i>	<i>LÚ</i> <i>huradinaue</i>
37	16 "	<i>Ilušainedi</i>	<i>Ilušainedi</i>
41	12 СН.	<i>arnišinani</i>	<i>arniušinani</i>
44	1 СВ.	^H <i>A-Á</i>	^{HÁ} <i>A-Á</i>
47	1 СН.	<i>Jātiy</i>	<i>ḡātiy</i>
47	17 "	<i>aubi</i>	<i>agubi</i>
52	15 "	<i>sidu</i>	<i>šidu</i>
62	13 СВ.	<i>Imenuaše</i>	<i>I menuaše</i>
63	15 "	втор.	твор.
65	17 "	<i>DÚTU-ni</i>	<i>DUTU-ni</i>
67	18 СН.	<i>(LU), aše</i>	<i>(LU), aše</i>
68	23 СВ.	<i>ršidu-</i>	<i>eršidu-</i>
71	9 "	<i>šutnišini</i>	<i>šunišini</i>

Георгий Александрович Меликишвили

УРАРТСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *С. Н. Заобина*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректор *М. Н. Гарбер*

*

Сдано в набор 3/1 1964 г.
Подписано к печати 26/III 1964 г.
А05048. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 4,75. Уч.-изд. л. 4,37.
Тираж 1600 экз. Зак. 12. Цена 30 коп.

*

Издательство «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4